

КОЛДОВСКИЕ

МИРЫ

ЛАНА ЕЖОВА

ГЕРОЙ МОИХ ГРЕЗ
И КОШМАРОВ

Колдовские миры

Лана Ежова

Герой моих грез и кошмаров

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ежова Л.

Герой моих грез и кошмаров / Л. Ежова — «Эксмо»,
2020 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-189188-6

Целительница без диплома, я ожидала неприятностей с первых дней своей авантюры, но совсем не такого разоблачения! Привычной жизни пришел конец с приездом въедливого инспектора по делам чародеев. Обвинения, покушения, похищения – все это связано с появлением прославленного (и очень циничного!) героя последней войны с демонами. Мне есть что терять, ему – нет. И я готова пойти на все, лишь бы сберечь свои тайны и главную ценность в жизни. Вот только поможет ли холодный расчет там, где зарождаются нежные чувства?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189188-6

© Ежова Л., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Часть 1	6
Глава первая, в которой дамы летают, а господа непристойны	6
Глава вторая, в которой дамы планируют обвести господ вокруг пальца	15
Глава третья, в которой происходит то, что непозволительно в первый день знакомства	23
Глава четвертая, в которой идет честный дележ мужчин	31
Глава пятая, в которой происходит более тесное знакомство	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лана Ежова
Герой моих грез и кошмаров

© Ежова Л., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть 1

Глава первая, в которой дамы летают, а господа непристойны

– Лорд Аламейский... ваше чародейство, я прошу о снисхождении, – смиренно проговорила я, опуская голову и делая шаг вперед.

Острый носок туфельки зацепился за край ковра – я споткнулась и, полетев с высоты каблуков, рухнула на колени.

Рухнула прямо между разведенных ног сидящего в мягком кресле лорда инспектора.

Боль стерло потрясение, что я упала. Все еще не веря, что это произошло, невольно отметила крепость мужских бедер, обтянутых черными замшевыми штанами, качество кожаных сапог. Ощутила жар чужого тела и терпкий запах парфюма. И лишь потом осознала, как близко – как неприлично близко – нахожусь!..

– Госпожа Рутшер, это уже чересчур, – ядовитым тоном произнес чародей. – Поднимитесь.

Я торопливо встала, приводя в порядок платье. Кажется, падая, порвала его сзади, если треск мне не послышался.

Мои щеки горели от стыда и унижения, хотелось бежать прочь, но я сдержала порыв. Есть нечто гораздо важнее, чем гордость.

– Чересчур – это значит, вы дадите мне шанс, ваше чародейство?

– Это значит, госпожа целительница без диплома, что ваша вина настолько велика, что смотреть сквозь пальцы я не могу. Указ короля справедлив и вышел не без оснований.

Пол зашатался под ногами, скромная обстановка кабинета поплыла перед глазами.

– Никак? Совсем-совсем?..

Обходительный чародей поддержал под локоть и сопроводил к дивану, накрытому пледом, который сплела молодая жена директора.

– Отчего же совсем никак? – вкрадчиво произнес инспектор.

Оставшись рядом, он навис надо мной темной громадой. Если вчера, при первой встрече, он показался мне болезненно худощавым, теперь я видела, что ошибалась. Жилистый, сильный, опасный.

– Предлагайте плату за молчание, госпожа Рутшер, торгуйтесь.

Я не поняла намека и нахмурилась.

– Что, не собираетесь предлагать мне взятку?

– А вы возьмете? – Удивившись неожиданному вопросу, я не удержалась от шпильки: – Даже и не представляю, сколько предложить потомственному аристократу, герою войны, которому король щедро пожаловал титул герцога и земли с рудниками церигия.

– Однако... впервые мне не предлагают деньги. Тогда, быть может, древний родовой артефакт, которому нет цены, и инструкции, как им пользоваться, тоже нет?

Въедливый чародей явно кого-то цитировал. Неужели его пытались подкупить так неуклюже?

Вздыхнув, я честно призналась:

– Я могу лишь просить, уповаю на ваше милосердие. Предлагать взятку тому, у которого все есть, невообразимая глупость.

Инспектор криво ухмыльнулся, и один из его шрамов исказился еще сильнее.

– Допустим, к своей любовнице я был бы снисходительнее.

– К любовнице?..

– Временной, – милостиво уточнил мужчина. – Всего одна ночь – и на ваши маленькие игры с законом я закрою глаза.

Меня бросило в жар, затем в холод, когда я зацепилась взглядом за белый шрам на загорелом лице высокопоставленного мерзавца – от правого виска и до левого подбородка. Шрам от когтя демона, его сложно свести. Но отталкивал меня не он.

Слухи о лорде Аламейском, королевском инспекторе, страшные: утверждают, что он жесток и беспринципен и может легко нарушить слово.

– Итак, госпожа Рутшер, ваше решение, – поторопил он с ответом.

Волной накатили воспоминания.

Холодные руки на моих плечах, оскорбления, жгущие поцелуи... Вырваться, бежать любой ценой!

Тяжело дыша, я вернулась к реальности и помотала головой. Нет, один раз судьба меня пощадила, повторений я не хочу!

Мужчина отодвинулся, повернулся спиной и презрительно бросил:

– Я так и думал. У таких, как вы, жертвенность только на словах.

Как пьяная, пошатываясь, я вышла из кабинета. Нет, не смогу... Должен быть иной выход.

– Джемма, что с вами?

Я резко обернулась. Только лорда Грэхема и не хватало!

– Вы были в кабинете директора? Что вы там забыли? – спросил ненавидимый мужчина и тотчас всполошился: – Джемма, что это?..

Голубоглазый блондин бесцеремонно схватил меня за плечо, притягивая ближе.

Отведя резко руку назад, я вырвалась из захвата и устремилась прочь по коридору.

– Кажется, я понял, Джемма, – едко произнес лорд Грэхем. – У вас юбка порвана. Не выдержала страсти проверяющего?

Я проигнорировала скабрезный выпад, который в этот раз был недалеко от цели.

Грэхем, неудовлетворенный моим молчанием, догнал в три шага и толкнул в пустой класс артефакторики. Захлопнув дверь, прислонился к ней спиной. Нехорошая улыбочка скользнула по бледным губам.

– Что, бегала жаловаться на меня к лорду инспектору? А с тебя потребовали плату?

Я молчала. Оправдываться перед этим слизняком? Еще чего не хватало!

– Ты видела его лицо? А тело, ходят слухи, еще хуже. Джемма, моя сладкая Джемма, уж лучше я, чем он!

И предсказуемо лорд Грэхем протянул ко мне свои бесцеремонные руки. Я ждала этого. И на попользования ответила ударом. Кровь брызнула на светло-серый форменный сюртук.

– Мой нос! – гундосо взвыл лорд.

Одной рукой зажимая пострадавший орган, второй он взмахнул, призывая стихию воды.

На его голубую сферу я ответить не успела. Дверь открылась, ударяя лорда по спине.

– Что здесь происходит?

Королевский инспектор был серьезен, хмур и, как мне на миг показалось, даже готов спеленать Грэхема подчиняющим заклинанием.

– Ничего, – торопливо ответил Грэхем. – Я разбил нос, а целительница Рутшер меня лечила.

– Это так? – строго поинтересовался инспектор.

Я кивнула. Сдавать Грэхема не в моих интересах: он племянник градоначальника, а в этом городе мне еще жить. Да и не накажут его за приставание, зато моя персона окажется в центре скандала и то, что я скрываю несколько лет, может сломать жизнь не только мне.

– И в благодарность за лечение вы решили приложить госпожу Рутшер «водянкой»? – чуть расслабившись, съязвил лорд Аламейский.

– Грэхем целился в паука, который меня напугал, – соврала я, выгораживая негодяя.

– Выходит, мне привиделось, что к вам приставали, госпожа Рутшер?

Я вскинула глаза на инспектора. Тон такой, как будто он искренне возмущен возможным, словно сам не предлагал несколько минут назад непристойности.

– Ваше чародейство, у меня нет претензий к лорду Грэхему, – ответила осторожно, опасаясь проверки на ложь.

– Я не пристаю к коллегам! – возмущенно заявил блондин. – У меня безупречная репутация, спросите у директора.

Чародей вскинул изломанную шрамом бровь.

– Спросить у мертвеца сложно, если вы не некромант.

Рой мыслей пронесся в голове, из них две самые важные: инспектор нашел в работе нашей школы нечто, за что директору полагается смертная казнь? Даже если так, зачем называть мертвецом еще не осужденного человека?

Грэхем оказался быстрее на расспросы.

– Простите, вы о чем сейчас, лорд Аламейский? Нашему директору не нужен некромант!

– Ошибаетесь. – Инспектор махнул рукой, указывая направо.

Мы с Грэхемом дружно повернулись.

Как я раньше не заметила? Из-под стола с элементарными заготовками для артефактов торчала нога в знакомом темно-коричневом ботинке. Неприлично старом и поношенном.

– Директор Вандур... – прошептал Грэхем, который тоже узнал обувь начальника.

Еще секунда ступора – и я вспомнила, кто тут целитель.

– Пропустите!

Я бросилась к человеку, нуждающемуся в помощи.

– Он мертв, – донеслось в спину невозмутимое.

Как определил? Он же не целитель. Хотелось фыркнуть возмущенно, но приличные дамы так не поступают.

Создав парящий в воздухе «огонек», я опустилась на колени и забралась под стол. Мертвенно-белая кожа, ледяная ладонь... Инспектор прав: директор Вандур мертв. Давно мертв. И все же заклинание диагностики, чтобы убедиться, необходимо.

Еще не успела получить результат, как ощутила отталкивающий запах крови. Да здесь же все провоняло ею! Как не поняла сразу? Обоняние отказало под напором не по-мужски сладковатых духов Грэхема?..

Под затылком директора – лужица крови. Ему разбили голову?.. Или сам упал?

У окна темнел развод на дощатом полу – след, затертый, но недостаточно. Труп перетащили оттуда под стол?

Судя по количеству крови, вытекшей на пол, после удара директор долго был жив. Приди в кабинет кто-то раньше, его можно было бы спасти.

От предположения стало дурно.

– Господину Вандуру уже не помочь, зато сейчас вы помогаете убийце, – сообщил инспектор.

– Что? – От неожиданности дернувшись, я стукнулась о столешницу. Тотчас преграда исчезла, на пол посыпались заготовки артефактов.

– Вылезайте, нет нужды лечить труп.

Чародей приподнял стол одной рукой. Огромный, массивный стол из дуба...

Я подчинилась приказу.

– Больше никаких чар без моего разрешения, – жестко велел лорд Аламейский.

Заклинания могут исказить картину, запутать следы – инспектор прав, мое вмешательство возле трупа неправомерно.

– Лорд Аламейский, что нам делать? – оживленно спросил Грэхем. – Вызвать стражников?

Инспектор, не оценив инициативу, сухо ответил:

– Ничего, оставайтесь на своих местах.

– Вы подозреваете нас? – оскорбился Грэхем.

– Для учителя истории вы достаточно сообразительны, – усмехнулся инспектор.

Грэхем проглотил оскорбление – то ли все еще в шоке, то ли побоялся связываться с чародеем из столицы.

– На время расследования всему персоналу школы запрещено ее покидать. Свободны.

– Но у меня семейный ужин с дядей, он градоначальник Подгорска, – с намеком произнес Грэхем. От его ядовито-сладкой ухмылки могли завянуть цветы на подоконниках.

– Градоначальник поймет и простит, – отрезал инспектор и повторил: – Свободны!

Грэхем первым вылетел из кабинета.

– Госпожа Рутшер, это еще не конец. Не думайте, что за убийством я забуду о вашем преступлении.

Даже и не надеялась.

Уходя, обернулась и увидела, как пришлый чародей раскручивает сияющую алым «Сеть ловца» – теперь в кабинет не войти без его разрешения. Боится, что убийца вернется и подчистит следы? Или же перестраховывается от всяких-разных целительниц, которые эти следы неплохо «затапывают» своими закливаниями?

Ладно, переживать не стану. Я выполняла свой долг, не подозревая, что могу помешать следствию. Да и мелочи это, если вспомнить о других проблемах.

Я шла по пустым коридорам школы, гадая, как долго она просуществует без директора Вандура. Юным магам и учителям не повезло учиться и работать в забытом богами и королем месте, да еще во времена, когда монарх прижимист до анекдотической скупости.

Чтобы школа держалась на плаву, директор Вандур экономил на всем: начиная от учебных пособий и мебели и заканчивая отоплением и зарплатами преподавателей. Стоя на вытертом, старом ковре в кабинете директора, сложно просить о премиях и надбавках, но я пыталась, ведь думала не только о себе. И Вандур обычно шел навстречу, понимая, как тяжело мне в последние два года... Святой человек. Как же мы теперь будем без него?

Ох, не о том я думаю. Важнее другие вопросы. Почему его убили? Кто убийца? Как долго я продержусь в школе на должности целительницы, не имея диплома? И самое главное: как быть с тем, что инспектор знает о нарушении пятого параграфа королевского указа о чародеях? Что будет дальше? Что?..

Я обычный человек, и личное меня волновало сильнее, нежели смерть старого начальника.

Покинув практически пустую на время каникул школу, я быстро пошла, почти побежала в сторону липовой аллеи, в конце которой краснели черепичные крыши преподавательских домов. Интуиция подсказывала, что Айоне Вандур о смерти супруга лучше узнать от меня, нежели от черствого инспектора.

Среди коттеджей, похожих друг на друга, как яйца одной курицы, директорский выделялся ухоженным садом, в котором растения буйно цвели с ранней весны и до поздней осени, плавно сменяя друг друга.

Сильный маг земли Айона Вандур отлично справлялась со школьной теплицей, парком и домашними насаждениями. Хрупкая молодая женщина все успевала, вызывая у кого-то зависть, у кого-то – уважение.

Решительно постучав в покрытую потрескавшимся лаком черную дверь, я выждала некоторое время, затем принялась заглядывать в окна.

Сейчас каникулы, Айона не на занятиях, и время готовить обед – она должна быть дома. В город выйти не могла – обычно ее сопровождал рачительный супруг, который помогал экономить и удержаться от соблазна купить «ненужное».

Обойдя здание, я попыталась войти через черный ход. Закрыто, и запасного ключа под цветочным горшком почему-то нет. Вандур считал, что воровать у него нечего, и особо не заботился о безопасности жилья.

Пытаясь заглянуть в щелку между шторами, я встала на перевернутую деревянную кадку. Увы, и в спальне Айоны нет – я увидела край несмятой постели. Да и не услышала бы она мои крики. О Всевидящий, неужели и она мертва?..

– Спешите предупредить убийцу?

Покачнувшись от неожиданности, я потеряла равновесие и полетела с кадки.

Прямо в мужские руки.

– Хватит падать к моим ногам, я уже понял, что вы сражены наповал.

Снова я ощущала чужое прикосновение. Чужое дыхание шевелило волосы на макушке. Чувствовала спиной чужое тепло.

В этот раз паника не накатила, и я спокойно парировала:

– Вы ведь специально подкрались. Значит, любите, когда женщины у ваших ног?

Поддерживающие меня руки напряглись. Не понравилось?

И я не устояла перед соблазном, вернула еще одну шпильку:

– И что на подобное увлечение говорит леди Аламейская, ваша супруга?

Чародей, выпустив меня из своих объятий, поставил на землю.

– Я не женат, – сухо ответил. – А вы, оказывается, еще та оса, умеете жалить. Не боитесь, что прихлопнут?

Угрозы в тоне я не почувствовала, лишь усталость. А еще... смирение?

Я взглянула на мужчину пристально, без предубеждения, оставив на миг мысль, что он планирует сломать мне жизнь своим разоблачением.

Аристократ, богач, сильный чародей, друг короля и просто герой. И в то же время человек с исполованным шрамами лицом, которое можно исцелить лишь с помощью древних артефактов. Может, это его и огорчает? Да нет, сомнительно. Ведь белые отметки не мешали разглядеть красивого брюнета с чернильно-синими глазами, хищным носом, волевым подбородком и тонкими упрямыми губами. Солнце выглянуло из-за туч, и в волосах чародея заиграла рыжинка. Необычный оттенок черного... красиво.

– Простите мою дерзость, я несу глупости всякий раз, когда пугаюсь.

Вопреки ожиданию, что сейчас услышу о моем постоянном состоянии хронического страха, чародей промолчал, и я решила заполнить паузу вопросами.

– Что вы подразумевали, говоря, что я спешу предупредить убийцу? Неужели считаете, что господина Вандура убила жена?

– Статистика неумолима: искать злодея нужно в ближайшем окружении жертвы. Вероятность, что Айона Вандур убила своего мужа, очень высока.

Я возмутилась:

– Вы не видели Айону! С ее хрупким телосложением сложно ударить высокого мужчину сзади по голове.

– Я и хочу исправить это упущение, то есть познакомиться с госпожой Вандур, – охотно согласился инспектор. – Но ее нет дома, что наталкивает на определенные мысли.

– Может, куда-то ушла? К соседям?

– Гуляет, когда супруг не дает о себе знать со вчерашнего дня?

Логично. Директора убили вечером или ночью, а уже время обеда. Айона должна была забить тревогу!

– Ох, вы правы! А может, ее тоже... того?

Дыхание перехватило, я не смогла закончить вопрос.

– Все может быть. Поэтому я взламываю дверь.

И мужчина показал, что его слова не расходятся с делом.

Заклинание тлена прицельно брошено на дверь возле ручки. Пятно пепла расширилось за секунды, затем осыпалось. Со звоном на ступени крыльца упала задвижка.

Толкнув дверь, инспектор вошел в дом.

– Госпожа Рутшер, ждите меня здесь. Возможно, госпоже Вандур понадобится помощь.

Выждав несколько секунд, я нарушила приказ. Я целительница и должна спешить на помощь тем, кто пострадал, кому сейчас больно.

Короткий темный коридор, и я у приоткрытой двери спальни.

Войдя, не совладала с эмоциями:

– Вот это погром!.. Их все-таки ограбили?!

– И выгребли дамский гардероб, оставив серебряную статуэтку богини Гармонии? – насмешливо заметил инспектор. – Вы почему меня не дождались? Здесь могла быть засада!

Я проигнорировала упрек, осматривая спальню, в которой царил хаос.

В самом деле, дорогая вещь, которую преподаватели подарили Вандуру на прошлый День зимнего солнцестояния, красовалась на комод. Как и два раритетных тома «Основ чароветвения» под редакцией Иго Супрониса. Грабитель мог не знать о ценности книг, но серебряная статуэтка должна была его заинтересовать.

– Здесь ужасный беспорядок. Собирались в спешке? – рассуждала я вслух. – Хм, действительно, взяли только вещи Айоны.

– Четко двадцать пять! – насмешливо восхитился чародей. – Выдам вам медальку за сообразительность.

«Четко двадцать пять»? Возглас, означающий высший балл в одной из карточных игр и ее окончание.

Меня осенило:

– Ага, вы не женаты, потому что картежник?

– Странный вывод.

– Если чародей к тридцати годам не женат, значит, у него есть какие-то пороки, – выдала я народную мудрость и прикусила язык.

Несмотря на хорошее здоровье и долгую молодость, считалось, что детей заводить чародеям лучше до тридцати пяти, позднее рождались со слабым даром, а то и вовсе «пустые». Подобное наблюдение – печальная закономерность для обладателей особо сильного дара.

– А если я не хочу детей? Зачем мне жениться? – глухо поинтересовался лорд Аламейский.

– Внуков точно хочет ваша мать, она должна вам плешь проесть, но навязать невесту...

Я споткнулась на последнем слове, с ужасом допустив возможность, что она не может по причине своей смерти.

– Простите, это верх бестактности.

– К этому легко привыкнуть, – отстраненно произнес инспектор и поднял нечто блестящее с пола. – Как любопытно...

Я даже шею вытянула, стремясь понять, что его так заинтересовало.

Обернувшись и увидев моей маневр, он хмыкнул и раскрыл ладонь. Блеснуло серебро, окантовавшее черный камень.

Я стиснула губы, сдерживая возглас изумления.

– Какая занятная вещица, не правда ли? – тихо произнес инспектор. – Серебряная запонка с ониксом. Клеймо столичного ювелирного дома. И коллекция, если не путаю, прошлой зимы.

Ого, знает ювелирный дом и даже какая коллекция! А ведь одетый строго мужчина не очень-то похож на франта.

Мелькнуло желание озвучить наблюдение, но потрясение все еще владело моими мыслями. Как же они могли?.. Я видела их переглядывания и не сомневалась, что он пойдет на скандал, если Айона решится. Но не верила, что ей хватит смелости. И уж тем более не предполагала, что они поступят настолько жестоко! Вандур при всех своих недостатках хороший человек и нужен школе. Был нужен... Подозреваю, теперь ее закроют – больше некому отставлять школу в столице, когда поднимут вопрос о недостаточном финансировании.

– И чья же это запонка, госпожа Рутшер? – вкрадчиво поинтересовался чародей.

Я пожала плечами.

– Директора Вандура. Чья же еще?

Инспектор поднял с кресла мятый сюртук коричневатого-зеленого цвета.

– Костюмы, которые были модными тридцать лет назад, и поцарапанные осенние ботинки летом... И обладатель столь «стильного» гардероба позволит себе дорогие запонки? Вам самой не смешно, госпожа Рутшер?

Я держала лицо до последнего. Врать и стоять на своем до конца – порой единственный способ сберечь свои и чужие тайны.

– Точно не знаю, – я сделала вид, что задумалась, – кажется, запонки Вандуру подарила жена.

– И скупой козел не заставил ее вернуть их ювелиру? – чародей едко усмехнулся. – Я все равно узнаю правду, госпожа Рутшер, не выгораживайте подозреваемого.

Скупой козел?.. До глубины души меня возмутили оскорбления в адрес директора. Разве можно так о почтенном человеке, тем более покойном?

– Господин Вандур не был скупым. – Мой голос звучал надтреснуто и в то же время слишком звонко. – Прижимистым – да, был. Но иначе школа не продержалась бы так долго без его экономии!

Синие глаза инспектора переполняла ирония.

– Без его экономии? – он расхохотался.

Это стало последней каплей, которая подточила камень моего терпения.

– Знаете что?.. Вы грубиян! Боги наказывают за злословие в адрес ушедших!

– А вы забавная, госпожа Рутшер, – продолжал потешаться инспектор.

– Вы...

Я не договорила – карман куртки чародея засветился красным.

– Продолжим занимательный разговор позже, – спокойно произнес мужчина и достал амулет связи. – Аламейский. Слушаю.

Я стиснула зубы, успокаиваясь. Чего это я, в самом деле? Несдержанная, защищаю постороннего мне человека, когда собственная семья в беде. Я явно поглупела. Недосып виноват? Или мозги отключаются из-за инспектора? Он раздражает меня до красных пятен перед глазами!

Поняв причину своего странного состояния, я чуть уgomонилась и вся обратилась в слух.

С инспектором связался начальник городской стражи. Слушая короткие резкие приказы, я поверила, что свое звание героя Аламейский получил не только благодаря случаю. Он умеет вести за собой, подчинять людей, даже не видя их.

Когда произошел очередной прорыв демонов в наш мир, погибло много молодых чародеев: имея силу и знания, вчерашние студенты не умели ими пользоваться. Когда старшего по званию офицера растерзал демон, Аламейский возглавил отряд и блестяще справился с пер-

воочередной на тот момент задачей – защитой мирного города от полчищ зубастых тварей. В горячке войны, когда демоны шли в наш мир волна за волной, никто не озаботился тем, чтобы заменить молодого офицера более опытным. Прозванный «бесстрашным», Аламейский почти месяц выполнял чужие обязанности, совершая подвиг за подвигом, пока король не услышал о нем и не повысил его в должности. Да так, что Аламейский возглавил полк, перескочив несколько званий сразу.

Но самая главная заслуга – он сумел использовать «Запиратель миров», заклинание, которое многим чародеям оказалось не по зубам. Я лично знала парня, у которого «Запиратель» отобрал зрение и магию.

– Вы до сих пор здесь? – удивился инспектор, закончив разговор с главным стражем Подгорска.

– Еще скажите, что я специально осталась, чтобы вас подслушивать! – вспылила я.

Что недалеко от истины, но кто же признается?

Я развернулась спиной к чародею и устремилась в сторону выхода, старательно обходя разбросанные вещи.

– Госпожа Рутшер, вы зря покрываете своих друзей. Если они невиновны, им нечего бояться.

Не оборачиваясь, я оскорбленно ответила:

– Лорд Аламейский, мне нечего сказать.

– Хорошо. Жду вас и ваших коллег в кабинете Вандура завтра в девять часов утра. Не опаздывайте, иначе не узнаете тайны своего чудесного директора.

Взволнованная, я вылетела из дома, как будто за мной гнался голодный демон.

– Джемма, что вы здесь делаете?

Я ошибалась: демон поджидал меня впереди.

– Госпожа Клочик, добрый день.

Строгого кроя темно-серое платье до земли, постное выражение лица, острый нос, бескровные губы и стянутые в тугую узел русые волосы. Да так стянуты, что кожа на висках натянулась, делая разрез водянисто-голубых глаз еще уже. Ученики не зря прозвали мага-хозяйственника Снулой Рыбой.

– Этот день совсем не добрый, – всхлипнула Рыба, – прекрасного человека больше нет. Айона может радоваться, теперь она под стать вам, вы подруги недаром.

– Почему Айона должна радоваться гибели своего мужа? – Мне хотелось скрежетать зубами от злости.

Госпожа Клочик осудила бы и самую добродетельную даму, если той еще не было пятидесяти лет. Грешницы и потенциальные прелюбодейки – вот кем мы были в глазах старой девы. Еще бы! Мы смели надевать приталенные платья, носить украшения и даже – кошмар какой! – подкрашивать глаза и губы.

– Айона не любила своего супруга, она вышла за него, чтобы заполучить статус уважаемой дамы. Бесстыдница!

Сейчас не время отстаивать честь подруги, и я, сделав глубокий вдох, потребовала:

– Госпожа Клочик, позвольте пройти.

– Правда глаза колет? – восторжествовала Снулая Рыба.

– Кстати, о глазах. – Я восхищенно уставилась на лицо желчной девы. – Вы сегодня подкрашили ресницы?

– Что?.. – На бледных щеках вспыхнул багрянец возмущения. – Я ничего не красила!

Ее визг сейчас приятнее любимой музыки.

Я вежливо улыбнулась и покачала головой.

– Не смущайтесь. Вам идет. Очень!

И пока хватаящая ртом воздух женщина не пришла в себя от моего наглого вранья, я побежала домой, не подозревая, что меня там ждет.

Глава вторая, в которой дамы планируют обвести господ вокруг пальца

За суетой в школе и походом к коттеджу Вандура прошло полдня, и домой я попала к четырем часам. Пик летней жары минул, но все равно хотелось забраться в ванну и не вылезать до глубокого вечера.

Неисполнимое желание: мне предстояло доделать последние заказы и собрать вещи, чтобы быть готовой покинуть город, когда найдут убийцу директора. Инспектор дал понять, что сразу займется моими нарушениями, значит, на побег у меня будут считанные часы, если не минуты.

Войдя в дом, я окунулась в тишину. Подозрительную, тягучую, не свойственную нашей семье. Если бы не приятный аромат куриного супа, я бы встревожилась.

На мысли о еде живот отозвался урчанием, но в первую очередь я заглянула в спальню.

Оливер спал поверх одеяла, раскинув руки и ноги в стороны. Каштаново-рыжие, как у меня, волосы задорно взъерошены, на лице мальчишки – тень улыбки. Даже во сне видит проказы? Не удивлена.

Чувство умиления сменилось тревогой: стоящий у постели сына кандедрон нагло благоухал, выкинув аж три большущих ярко-синих цветка. Утром, когда я уходила в школу, даже намек на стрелы не было, не то что бутоны.

Тревогу бить рано, но интуиция уже заливалась слезами.

Так, не буду испуганно заглядывать в будущее! Проблемы решают по одной.

Собравшись с духом, я отправилась на кухню.

Гибкая фигурка в простом зеленом платье неумоимо порхала от стола к печи и обратно, словно в танце. Светловолосая девушка резко обернулась, будто почувствовав, что не одна.

– Ой, Джемма! А я не успела...

– Что, Лил?

Я с нарочитым удивлением приподняла брови и обвела взглядом кухню. На краю стола остывал круглый и золотой, словно солнце, хлеб, на печи булькал томящийся на медленном огне суп.

Сделав вдох и ощутив ароматы, витающие на кухне, предположила:

– Печенье не успела или жаркое?

Девушка покраснела.

– И то и другое... Еще полчаса.

– Спасибо, ты снова нас балуешь.

Пообедав, я блаженно зажмурилась на миг, а затем приступила к выговору:

– Было невероятно вкусно, Лил, но в энный раз прошу не усердствовать. Трать время на обучение, домашние дела – моя забота. Без печенек мы проживем, а вот на экзамене может попасться то, что ты не выучила, готовя десерт.

Упрямица хитро улыбнулась.

– Джемма, я помню, но готовка меня успокаивает. А когда я спокойна, знания усваиваются лучше.

Вроде бы говорит умные слова, да только «успокаиваться» Лил любит каждый день. Бытовая магия – это не то, чего желала бы я для талантливой воздушницы.

– Ты не кухарка, Лил, ты будущая магичка или вообще чародейка.

Девушка возмущенно фыркнула:

– Тебе не надоело подзадоривать меня, откровенно льстя? Вторая стихия у меня выражена слабо, третья точно не светит. Так какая из меня чародейка?

– Ты слишком поздно начала заниматься, – с нажимом на слове «поздно» произнесла я. – Еще одна стихия может проснуться и через полгода после совершеннолетия.

– Нет, Джемма, я обычная магичка, мне и этого с головой.

Лил не позволила мне мыть посуду – нагло отобрала тарелки.

– И да, я насмотрелась на пробуждение чародеев, подобного счастья мне не надо.

Я не стала заверять, что у нее все будет иначе, – она почти взрослая, и ломка ей не грозит.

– Видела, кандедрон зацвел?

Посерьезневшая Лил кивнула.

– Подожди расстраиваться, возможно, земля дает о себе знать.

Скручивая вышитую салфетку в тугую трубочку, я покачала головой.

– Кандедрон погибал, у меня все не доходили руки заняться им. А сегодня он зацвел. Маги земли спасают растения осознанно. Оливер не знал нужного заклинания и, не отдавая себе отчета, исцелил растение, которому было плохо.

Оставив посуду, Лил крепко обняла меня.

– Джемма, все будет хорошо. Мы справимся.

Делиться страхами с девочкой было нельзя, и я бодро улыбнулась:

– Я знаю, Лил. Ладно, чего это я сижу? Пойду делать крем для госпожи Брюм, а ты начинай собирать вещи.

Отстранившись и заглянув мне в лицо, Лил хмуро поинтересовалась:

– Зачем, если до экзаменов два месяца?

– Мы переезжаем, – весело сообщила я. – Все новости потом. Владелица мясной лавки обещала подойти к шести вечера, но она не отличается особым терпением, так что мне необходимо поторопиться.

Я ушла, оставив воспитанницу в растрепанных чувствах.

Объяснять, почему мы бежим с насиженного места, совсем не хотелось. Я еще и сама не свыклась, что тихая жизнь закончилась.

Закрыв дверь кабинета, с укором посмотрела на парадный портрет Рутшера.

– Здесь спокойно и Вандур, твой лучший друг, не выдаст наш секрет? Ну-ну, это первое, что он сделал, как только инспектор по делам магов переступил порог школы.

Пожаловавшись на жизнь портрету, я взялась за заказ.

Госпожа Брюм, словно предчувствуя мой скорый отъезд, возжелала целых десять банок омолаживающего крема. Все было готово, оставалось вмешать последний ингредиент и накачать силой.

Сегодня занятий не было, как и пациентов (мертвый директор не в счет), но я умаялась, когда закончила с десятой банкой.

Резерв в последние дни не радует. Отдых и полноценные семь часов сна мне необходимы, иначе узнаю, что такое выгорание, на собственной шкуре.

Узкий диван с пышной подушкой – как наваждение. Я не устояла и, заведя будильник, прилегла на полчаса.

...Серые стены судебного зала. Даже через обувь я чувствую холод мраморного пола.

– Госпожа Рутшиер, вы признаете себя виновной в государственной измене? – Строгий голос бьет наотмашь.

Хочется спрятаться, забиться в укромный уголок.

– Да, признаю, – выдыхаю я обреченно.

– Ваша вина так велика, что вы заслуживаете смерти.

На месте судьбы восседает инспектор. Ни капли сочувствия на изуродованной шрамами физиономии. Не человек, а бездушная говорящая статуя.

– Джемма Рутшиер, примите свое наказание достойно.

Послушно переставляя ноги, я иду к инспектору.

– Мама! Мамочка!..

Оливер бежит ко мне, полыхая огнем, словно огромный факел. Пробуждение еще одной стихии. За что, боги?

Я бросаюсь к сыну на помощь, цепляюсь за подол платья и падаю на блестящий пол.

Треск плит. Сквозь разлом вырываются языки кроваво-алого пламени и клубы черного дыма. Я лечу прямо в огненную пасть...

– Джемма, тебя хотят видеть! Срочно! – Лил настойчиво трясла меня за плечо.

Помотав головой, я прогнала ужасные образы из памяти. Сон, ужасный и нереальный сон. Не буду думать о нем.

– Кто хотел видеть? – выбираясь из липкой паутины кошмара, прохрипела я.

Со стола исчезли баночки с кремом, будильник не там, где ставила я. Все ясно, Лил отключила, самонадеянно дав мне поспать.

– Он не представился, показал жетон инспектора по делам магов...

– Госпожа Рутшер, добрый вечер.

Я резко приподнялась на диване, в шоке глядя на проникшего в мой кабинет лорда Аламейского.

Одобрительно взирая на меня сверху вниз, он довольно произнес:

– Вижу, вы отдохнули. Значит, выполните задание без проблем.

– Какое задание?

Я с трудом сдерживала возмущение. Как он посмел вторгаться в мой дом? Это уже слишком!

– Задание государственной важности, – торжественно заявил инспектор. – И вы не имеете права отказаться.

Заявление взволновало: королю, как и его эмиссарам, не отказывают. Но мог бы и не давить, свои обязанности я выполняю всегда.

– Я нужна как целительница? Где пациент?

– Вы нужны как женщина, – лорд Аламейский подмигнул. – Мне.

– Что?..

Он сошел с ума? Да еще заявлять подобное при Лил!

Высказаться я не успела – инспектор продолжил шокировать:

– Вы должны сопроводить меня на ужин к градоначальнику.

– Это задание государственной важности? – Я не удержалась от иронии.

– Именно.

– Почему я?

– Предлагаете кандидатуру госпожи Ключек? – чародей вскинул рассеченную тонким шрамом бровь.

– Мое присутствие будет неуместным. – Я скорбно поджала губы, с намеком глядя на портрет господина Рутшера.

– Ваш траур давно закончился, – возразил чародей и въедливо добавил: – Портреты покойника в каждой комнате? Себе напоминание или от ухажеров прикрытие?

Я проигнорировала выпад, хоть он и попал в цель. К вдове общество снисходительно, и некоторые не особо обремененные моралью господина видят во мне искательницу легких интрижек.

– У меня нет подходящего наряда, – предъявила свой главный козырь.

– А как же...

Я тотчас зыркнула сердито на Лил, которая открыла рот, чтобы оспорить заявление.

Поздно. Чародей покосился на девочку и мягко улыбнулся:

– Прелесть, подберешь своей опекушке наряд?

И Лил, моя умница Лил, в ответ стеснительно улыбнулась!..

– Темно-фиолетовое платье из мерцающей хилисы подойдет? – с сомнением поинтересовалась Лил, глядя на черный костюм чародея.

Строгий фасон, материал дорогой. Отлично подчеркивает стройную фигуру инспектора, вызывая ассоциации с крупным хищником из семейства кошачьих.

– Подойдет, прелесть. И быстрее, пожалуйста, времени мало.

Лил рванула из кабинета приводить мое платье в порядок.

– Что-то не так, госпожа Рутшер? – чародей вскинул брови.

– Да. Во-первых, она не прелесть, а Лил. Во-вторых, ей шестнадцать, так что не старайтесь ее обаять. И в-третьих, вы вторглись в мой дом.

– Все претензии? Или будут еще?

Непробиваемый нахал! Я только поморщилась, промолчав.

– А раз претензии все, госпожа Рутшер, то почему вы еще здесь? Вам разве не надо припудрить нос? Или что там делают дамы перед званым ужином?

Я сложила руки на груди.

– А я никуда не еду. Посещение дома градоначальника – не на благо королевства, а ваша личная блажь. Меня не осудят за отказ.

Я блефовала, прекрасно понимая, что поверят ему, а не мне – у инспекторов, занимающихся делами магов и чародеев, неограниченная власть. Даже герб на жетоне с королевским медведем, что намекает на их избранность, приближенность к трону.

– А ведь еще утром вы просили закрыть глаза на нарушение закона. – Инспектор прищурился. – Или уже смирились, что скороспелый сын-маг отправится в столичный пансион?

Меня передернуло от ужасного предположения.

– Нет! Ни за что! Я не хочу, чтобы мой ребенок учился там.

– Сколько экспрессии, сколько страсти! – Инспектор ухмыльнулся. – Только проявляете вы их не там, где нужно, и не пользуетесь моментом. Но я сегодня добрый и сам предложу выгодную сделку.

Любопытно, почему он не желает появляться у градоначальника без сопровождения? Пустая прихоть? Или есть причина, раз он так настойчив? Я уже все для себя решила, но сделку заключу, чтобы не вызывать подозрений.

– Я слушаю вас, лорд Аламейский.

Мужчина посерьезнел.

– Маленькое уточнение. Направление магии вашего сына?

– Созидание, – честно заверила его.

– Две или три стихии?

– Земля, вода и воздух, – перечислила я, радуясь, что он не спросил о сопутствующих дарах.

Впрочем, я и сама еще не уверена, есть ли у Оливера склонность к магии исцеления.

– Ваш сын не маг, а чародей... Хорошо. Мое предложение в силе: вы становитесь моим прикрытием у градоначальника, я закрываю глаза на раннее пробуждение магии вашего сына и не отправляю его в пансион, если не пожелаете обратного.

Не пожелаю обратного? Оставил себе лазейку... Повезло, что мне его милость больше не нужна.

Я быстро протянула руку, предлагая скрепить сговор.

– Идет, я согласна.

Чародей почему-то поморщился, но ударил по ладони. В воздухе сверкнули золотым магические печати, подтверждая, что сделка заключена.

Мне понадобились полчаса и ловкие руки Лил, умеющей скрутить мои выющиеся волосы в элегантную прическу, чтобы собраться.

Роскошное платье, которое я покупала на годовщину свадьбы, но так и не надела, нежно ласкало тело. Поднятые в высокую прическу волосы и колые из четырех нитей аметиста подчеркивали тонкую шею, темные тени – кошачий разрез глаз, а бальзам с эффектом блеска – форму губ.

Чародей окинул меня придирчивым взглядом и одобрительно кивнул. Ни критики, ни комплиментов... А еще аристократ!

Я мысленно посмеялась над своими претензиями. Какая мне разница, что он думает о моей внешности? А ведь все равно немного обиделась, что он промолчал.

Лорд Аламейский заметил мою реакцию и вскинул рассеченную шрамом бровь.

– Появились еще претензии?

Боги, да он демонски проницателен!

– Разве я осмелюсь... высказать четвертую?

– Хорошо. Пока вы копите смелость, мы спокойно доедем.

Возле коттеджа стояла черная карета, запряженная двойкой вороных жеребцов, нетерпеливых и громких. На козлах сидел крепкий кучер в черном плаще и широкополой шляпе, из-за которой я не смогла рассмотреть его лицо. Бедняга, как он еще не сварился в своем глухом наряде, ведь лето выдалось жаркое?

Увидев на двери «медвежий» герб, я не удержалась от подколки:

– Ваше чародейство, отправляетесь развлекаться на служебном транспорте?

– Согласитесь, что это удобно? – ответил лорд Аламейский невозмутимо.

– И экономически выгодно, – поддакнула я.

– Вот-вот. Люблю свою работу!

Словно галантный кавалер, он помог мне подняться в карету.

На выезде из школы случился конфуз: нас остановил сторож, боевой маг в отставке. Заглядывая в карету, он едва не кланялся. Никогда еще я не видела Мувуриса таким взволнованным и виноватым.

– Ваше чародейство, я верой и правдой служил королю! Я не знал, что Вандур и Прекстона нельзя выпускать! Я же не думал, что они директора грохнули!

Вина Айоны и преподавателя боевой магии еще не доказана, а их уже называют убийцами. Печально...

– Успокойтесь, вас никто не обвиняет, – спокойно произнес инспектор. – Вы придерживались инструкции.

– Правда? – недоверчиво переспросил сторож. – Теперь меня не уволят?

– Вы сохраните свою должность.

Облегчение отразилось на сухощавом лице Мувуриса. И я порадовалась, что теперь мы сможем ехать дальше.

– Спасибо, ваше чародейство! Хорошего вам вечера! И вам, госпожа Рутшер.

– Джемма здесь?

Я ошиблась, решив, что теперь мы сможем спокойно покинуть территорию школы.

Из густой тени, отбрасываемой кроной дуба, вышел Грэхем. На его лице застыла брезгливая гримаса, руки сжимались в кулаки и тотчас разжимались.

– Ты меня удивляешь, Джемма, – со сдерживаемой яростью заявил он. – Почему ты с ним? Чем же я не подошел?

Нападки Грэхема оказались полной неожиданностью.

Когда я овдовела и Вандур еще не предложил занять место покойного супруга, хоть у меня и не было диплома, наглый сосед навязывал свою помощь в обмен на «капельку нежности». Непотребные слова он подкрепил действиями – зажал прямо в коридоре школы и полез

с поцелуями. Мне повезло вырваться. К следующей атаке я уже подготовилась: ошеломив его заклинанием из арсенала боевиков, сломала нос. И все же два года Грэхем преследовал меня. Даже предложил замужество.

Начни он с него, я бы подумала. Вру. Ни за что не согласилась бы! Ни Лил, ни Оливеру наш сосед не нравился, да и не был он человеком, который мог сохранить мою тайну. Он первый доложил бы, что магия у моего сына проснулась слишком рано, что нестабильна и все еще растет. И да, похоже, у Оливера не просто три стихии, а и пробуждающийся сопутствующий дар – магия исцеления.

– Молчишь, Джемма? Неужели я хуже этого калеки? Темнота не все скрывает.

– Кто сказал, что я люблю темноту? – скупающим тоном произнес инспектор. – Чем больше света, тем интереснее.

Почему Грэхем решил, что я согласилась стать любовницей Аламейского? Просто потому, что сидела рядом с ним в карете? А еще была одета в вечернее платье... Вывод напрашивался сам собой.

Горечь разлилась во рту. Даже когда враг считает тебя доступной, обидно до слез.

– Лорд Грэхем, вы ошибаетесь. От лорда Аламейского мне не поступало лестных предложений. – Одарив инспектора нежной улыбкой, я импульсивно добавила, желая позлить ненавистного блондина: – О чем я искренне сожалею.

Мой спутник издал удивленный смешок.

– Ах ты, дрянь! – Грэхем страшно оскалился и вскинул руки.

В меня полетело «Шаровое копьё».

Испугаться не успела – ослепительно-голубую вспышку поглотил «Щит» инспектора.

– Нападение на представителя короля и служащую школы? Грэхем, в курсе, что вас ждет?

– Мне все равно, – процедил сквозь зубы блондин, пытаясь разорвать «Воздушные путы», которыми спеленал его Аламейский.

– А зря. – Потеряв интерес к преподавателю, инспектор выудил из кармана черного камзола блокирующий магию браслет и бросил сторожу. – Господин Мувурис, передадите нарушителя стражникам. Справитесь?

Отставной боевик растерянно кивнул и торопливо защелкнул блокиратор на руке преподавателя.

Тот грязно ругался и сыпал угрозами:

– Вы все пожалеете! Я обращусь к королю!..

– Ваше право, – лениво отозвался инспектор.

Все так же молчаливо Мувурис принял и «поводок» от «Воздушных пут» Грэхема.

Дверь захлопнулась. Карета рванула вперед, и меня откинуло на мягкие подушки сиденья.

– Мы куда-то торопимся?

Инспектор усмехнулся:

– Разумеется! Мы спешим сообщить градоначальнику Подгорска печальную новость о племяннике.

Больше не останавливаясь, карета покинула территорию школы и направилась в центр, к трехэтажному дому самого влиятельного семейства нашего города.

– Как долго Грэхем пытается пробраться в вашу постель?

Вопрос прозвучал странно. Не похабно, нет. Так целитель спрашивает о течении болезни.

– Два года. До смерти супруга он осмеливался лишь на чересчур назойливые комплименты и неприлично долгие взгляды.

– Вы держались стойко. И довели мужика до преступления.

Я вся подобралась.

– Я еще и виновата?

– Кто-то так и скажет. – Лорд Аламейский не сводил с меня внимательного взгляда. – Готовы к осуждению со стороны общества? Кокетка, сводящая с ума своей холодностью достойных мужчин.

Меня даже затрясло от негодования.

– Я не давала повода! Никогда!

– «Сила женщины в ее мягкости и уступчивости», – явно процитировал кого-то лорд Аламейский. – «С веселой вдовы не убудет».

– То есть я должна была... должна...

Язык не поворачивался произнести отвратительный вывод.

– Сломать ему нос, – подсказал лорд светским тоном. – Чем успешно и занимались, насколько я успел заметить.

Не передать степень моего облегчения и признательности! Он ведь прав. Нравы в обществе магов и чародеев далеко не суровы. Это юной магичке следовало беречь себя, чтобы после замужества усилить мужа. Потом на интрижки на стороне закрывали глаза. Вдова и вовсе могла в открытую вести свободный образ жизни, если он будет без последствий.

Для себя подобное я считала неприемлемым.

– Когда устанете ломать носы, обращайтесь. Я научу особому заклинанию, – внезапно предложил лорд.

Это какому же? Заинтриговал!

Я сразу не нашлась, что ответить, и просто кивнула.

Разговор о нападении Грэхема быстро затух, чародея заинтересовали мои прегрешения.

– Почему вы настроены против пансионата?

– До выпускного курса доживают не все дети, и вы спрашиваете, почему я не хочу отправить туда сына? – Подобный вопрос задавали не раз, и я научилась реагировать спокойно. – Надежнее постигать азы магии с помощью наставника.

– Если найдете хорошего, – покладисто согласился инспектор. – А летальные случаи были в первые годы после открытия пансионата.

– Но ведь были? И гарантий, что мой ребенок не пополнит собой статистику, нет. Я вообще не понимаю, зачем нужен этот спецпансион.

– Дети, у которых магия проснулась до десяти лет, опасны в первую очередь для себя. Скажете, что у Оливера никогда ничего не взрывалось, не взлетало, не ломалось?

– И что, это повод запереть его в четырех стенах с такими же, как он, невезучими ребятами?

– Вы не чародейка, госпожа Рутшер, многого не знаете и не понимаете, – глухо произнес инспектор. – Если погубите парнишку, это будет на вашей совести.

Уколы не достигли цели – я своими глазами видела страшную статистику. Нет, я больше доверяю себе, нежели посторонним специалистам, которые получают зарплату за воспитание юных магов. Пансион закрыт для посещений, детей муштруют слишком жестоко.

– Я почти два года владею ситуацией. Оливер уже знает, что такое ответственность.

Скрестив руки на груди, инспектор буравил меня недовольным взглядом.

– Магия толкает на безрассудство. Однажды его действия могут причинить вред не только ему самому, но и тем, кто будет рядом.

– У Оливера магия созидания, – напомнила я.

– Созидание или разрушение – не важно, даже целители могут случайно навредить.

– Я рядом с сыном, помогу ему продержаться до десяти лет.

– А может, вы против пансионата, потому что не хотите выпускать сына из-под своей юбки? – осенило инспектора. – Вы жаждете распоряжаться его жизнью и в дальнейшем?

Оскорбление не задело. Подавшись вперед, я заглянула ему в глаза.

– Скажите честно, вы бы отправили своего ребенка туда?

– У меня нет детей, – сухо произнес инспектор. – Зато я учился в этом пансионе, как и наш король.

– И ему там так понравилось, что сразу после коронации он сменил весь преподавательский состав! – колко заметила я.

– Так вы все-таки интересовались условиями обучения, – резюмировал инспектор довольно. – Поверьте, после реформы короля Элгеуса многое изменилось.

Я закрыла глаза и откинулась на мягкую спинку сиденья. Бесполезно. Он меня не поймет.

Пансион – не только повышенный риск, что моего ребенка обидят, а то и нанесут увечья. Нет. Пансион – это украденное детство, лишённые материнской любви мальчишки, которым слишком рано приходится учиться самостоятельности.

Может, обучение в пансионе и сделало лорда Аламейского таким черствым? Не удивлюсь, если угадала.

– Госпожа Рутшер, мы подъезжаем.

Голос инспектора выдернул меня из размышлений.

– Вы нарушили закон и сейчас смягчаете свою вину, помогая мне. И я не должен говорить, но... – На несколько секунд в карете воцарилась тишина. – Я желаю вам удачи, госпожа Рутшер.

Почему у меня такое ощущение, что он хотел сказать нечто иное?

Глава третья, в которой происходит то, что непозволительно в первый день знакомства

Ощущение недоговоренности не давало покоя, пока мы шли к парадному входу особняка, который сегодня преобразился. Украшенные магическими фонариками терраса и сад, хорошо освещенная дорожка, иллюзорный дворецкий у двери – Грэхем-старший серьезно подготавливался к званому ужину. Семейному ли, как утверждал его племянник? Если родственники – все значимые фигуры Подгорска, то так можно сказать.

Прежде чем переступить порог дома, чародей провернул кольцо из серебристого металла гравировкой наружу – я почувствовала легкое присутствие чар, словно ветерок коснулся щеки. Что изображено на печатке, не рассмотрела, но, похоже, это не родовое кольцо, хоть и носил его чародей на левом безымянном пальце. Нет, это какой-то древний артефакт из церигия, и его только что активировали. Артефакт, определяющий ложь? А как была повернута печатка, когда инспектор допрашивал меня? Не помню... Не зря я старалась не врать!

– Готовы, госпожа Рутшер? – с предвкушением улыбнулся инспектор.

– Если нет, вы отвезете меня домой?

– Мне нравится ваше чувство юмора, госпожа Рутшер! – хохотнул он и повел меня навстречу неприятностям.

Что они будут, вопила интуиция, умоляя, чтобы я бежала от инспектора подальше.

И внутри дом градоначальника блистал, что легко, если владеешь артефактом иллюзий. Не самый древний род Грэхем слыл обладателем нескольких уникальных вещей, которые могущественные чародеи прошлого создали из церигия. Как поговаривали злые языки, именно приданое жены, деньги и артефакты смирили градоначальника с мыслью, что не ему достался титул лорда.

Лакей проводил нас в просторный зал, заполненный кружащимися под прекрасную музыку парами.

– Лорд Аламейский, как же я счастлив, что вы приняли приглашение! Добрый вечер!

Светловолосый, как и племянник, хозяин особняка поспешил к нам с лучезарной улыбкой на худощавом, вытянутом лице.

– Добрый вечер, господин Грэхем.

– Я так рад, так рад! Госпожа Рутшер, давно не видел вас.

Старший Грэхем кланялся и рассыпался в любезностях. Это его обычная манера общения, складывалось впечатление, что приветливее и добрее человека не сыскать во всем городе. Обман. Градоначальник умел вызывать доверие, находить слабые места и прицельно по ним бить. Когда мы с супругом только переехали в город, нас встретили, как любимых родственников. И только со временем стало ясно, что добродушие – всего лишь удобная маска.

Несмотря на все старания градоначальника, а затем и его жены, лорд Аламейский не отпускал меня от себя ни на шаг и не реагировал на завуалированные просьбы потанцевать с незамужней дочерью хозяев дома.

Я особо не прислушивалась к разговору, но насторожилась, когда речь зашла о школе и преступлении директора Вандура. Что они называют злодеянием? Обворовывать бедных школьников он не мог – у них, вообще-то, нечего брать, значит, он виновен в том, что не вовремя умер? Дурацкая шутка, но как бы она не оказалась правдой.

– Лорд Аламейский, я и подумать не мог, что со школой не все чисто! Что понадобится проверка сверху.

– У директора Вандура были сообщники, которые его прикрывали. И раз вы ничего не заметили, они из числа ваших приближенных, ваших помощников, – вкрадчиво произнес чародей.

– Мерзавцы! – Градоначальник промокнул высокий лоб платком. – Пригрел я змеиный клубок у себя на груди.

– Не волнуйтесь, я обязательно их вычислю.

– Конечно-конечно! Я не сомневаюсь в ваших способностях!

Официант подошел с вином и фруктовым соком в серебряных бокалах. На правах хозяйина градоначальник торопливо вручил напитки дамам и гостю.

Лорд Аламейский вскинул бровь, увидев, что мне достался сок.

– Госпожа Рутшер совсем не пьет, – будто оправдываясь в чужом жутком преступлении, произнес градоначальник.

– Как вы всем говорите, дорогая Джемма? Целительница должна быть всегда готова выполнить свой долг, – манерно произнесла госпожа Грэхем.

Я вежливо улыбнулась, подтверждая ее слова, и пригубила яблочный сок.

Чародей несколько мгновений рассматривал серебряный бокал, затем провел ладонью над его содержимым.

Что происходит? Почему он открыто проверяет на яд? Не думает же, что его здесь отравят? Его, представителя короля!.. Это будет откровенной изменой, которая не останется без наказания!

Градоначальник и его супруга маневр высокого гостя заметили, но только поджали губы. Вот уж правду говорят, что спустя десятилетия совместной жизни люди становятся похожи.

Еще немного помедлив, лорд Аламейский сделал глоток.

– Великолепное вино. Вуртширское?

– Да, повезло получить в подарок несколько бутылок от друга, – самодовольно произнес градоначальник.

Настроение у него явно улучшилось из-за похвалы.

– Дорогой, ты ведь хотел что-то рассказать инспектору? – напомнила госпожа Грэхем. – Будь смелее, а я поговорю пока с Амалией.

Я обернулась.

К нам стремительно направлялась, едва не чеканя шаг, старшая дочь хозяев, молодая красивая блондинка, одетая чересчур эффектно и смело для глубинки. В прошлом году она вышла замуж со скандалом: заезжий аристократ соблазнил бедняжку, но пытался сбежать, не узаконив отношений. К счастью, закон богини Гармонии, защищающий честь одаренных девушек, не позволил бросить опозоренную.

– Лорд Аламейский, у меня есть доказательства, что не Вандур козырь в этой подлой игре. Им прикрывались, играя вслепую.

Чародей прищурился.

– Интересное заявление. Я хочу взглянуть на ваши доказательства.

Градоначальник покосился в мою сторону, затем стрельнул глазами на жену, которая отошла, чтобы поговорить с взволнованной Амалией. Настроение дочери быстро передалось и матери.

– Это доказательство деликатного рода, – тихо признался градоначальник. – Я могу показать лишь вам.

– Госпожа Рутшер – моя дама на этот вечер, я не могу оставить ее.

В этот момент я обернулась и заметила темноволосого военного, который проходил мимо. И поняла, что выпавшим шансом грех не воспользоваться.

– Вы можете доверять меня деверю. – Я упорхнула от чародея, утратившего бдительность. – Людвиг, как же я рада вас видеть!

Как всегда, невозмутимый деверь запечатлел на моей руке почтительный поцелуй.

– Джемма, дорогая, безмерно счастлив вас лицезреть.

– Вы нас совсем забыли, Людвиг. Я опечалена, и Оливер постоянно спрашивает, почему дядя не навещает его!

Дорогого родственничка перекосило, как будто вино в его бокале превратилось в уксус.

Хм, забавно... а для других гостей щедрости градоначальника не хватило на серебро, лишь на хрусталь.

– Хорошо, пока госпожа Рутшер общается с родственниками, я взгляну на то, что вы хотите мне показать.

Чародей не скрывал своего недовольства, но не стал напоминать, для чего я здесь. И правда, для чего? Атаковать его жаждущие замужества дамы не спешили. Заинтересованность я наблюдала, но ее перевешивал страх перед должностью, которую чародей занимал. А может, все-таки и шрамами...

Стоило им с градоначальником отойти, как Людвиг прошипел:

– Соскучился Оливер? Большею чуши я от тебя не слышал!

И это правда. Хоть Людвиг чародей и знал тайну племянника, найти общий язык они не сумели и вели себя в моем присутствии как кошка с собакой.

– Мне был нужен повод для беседы.

– О как! Опять будешь меня мучить пустой надеждой? – Людвиг залпом допил вино.

– Нет. – Поколебавшись немного, обреченно выдохнула: – Я принимаю твое предложение.

Людвиг побледнел. Не иначе от счастья?

– Джемма, это неожиданно... – Голос его стал тише, злость испарилась.

– Сама знаю, – перебила его. – Обещаю, все у нас будет хорошо. Я полюблю тебя, а Оливер проникнется уважением.

На мои заверения деверь отреагировал крайне странно: побагровел, словно сердце прихватило.

– Ты хоть слышишь себя? Как можно полюбить по желанию?!

– Покричи еще громче, не все услышали, – оборвала его я и стиснула зубы.

Еще никогда я не видела Людвига в таком раздражении. Даже когда отвергла его десятое, юбилейное, предложение руки и сердца, он загрустил, но не кричал.

– Джемма, ты не думала, что согласие я получил слишком поздно?

Я опешила. Это как – слишком поздно? После смерти старшего брата Людвиг настойчиво добивался моего внимания, а сейчас вдруг поздно?

Что-то такое отобразилось на моем лице, раз он принялся быстро оправдываться:

– Не подумай, что я охладел! Я понял, что мы не будем счастливы вместе. Я не твой мужчина, как бы мне ни хотелось обратного.

Станный разговор. И причина странная. Мне нужно срочно покинуть город, спасти Оливера от пансиона, а Людвиг решил меня кинуть? Нет уж! Ныл о своей безответной любви и моей жестокости два года, теперь расплачивайся!..

Я шагнула вперед и ласково коснулась плеча деверя. Проведя с громким царапаньем по серебристой нашивке на мундире, пообещала:

– Мы будем счастливы, не переживай.

– Звучит как угроза, – нервно хмыкнул он. – Джемма, я серьезен. Да и Оливер меня не примет как нового отца.

Какой же он... возмутительно упрямый!

– Оливеру сейчас нужней не отец, а наставник.

– Вот в чем дело. – Людвиг отступил на пару шагов. – Ты могла просто об этом попросить.

О, неужели так просто?

– Хорошо, я попрошу...

– Госпожа Рутшер! Пожалуйста, помогите, моя подруга умирает!

Хрупкая девушка в бледно-розовом платье вцепилась в мое запястье, как краб клешнями в рыбку. Чувствую, от нежных пальчиков дебютантки у меня останутся синяки.

– Пойдемте, по дороге расскажете, что с подругой.

Если бы кто-то действительно умирал, в зале царила бы суматоха, но музыканты играли, пары кружились в медленном танце.

– Она в библиотеке, боится показаться людям, что неудивительно с такой-то внешностью! – тараторила девушка, таща меня за собой, как ведущий конь в упряжке.

Я ускорила шаг.

– И что случилось с ее внешностью?

Похоже, я не права: случай серьезный, только тщеславная девица не пожелала, чтобы ее видели заболевшей.

– Ее пчела ужалила, лицо похоже на войлочный мяч.

– Такое же серое?

– Нет! Такое же надутое.

– У нее непереносимость яда пчел?

– Да откуда же мне знать!

Выйдя в холл, я побежала, и теперь дебютантка дробно стучала каблучками, не успевая за мной.

Зато я прибежала вовремя. Девушка, желавшая, чтобы ее видели только красивой, опухнув, уже засыпала. Возможно, последним сном. Уши надутые, как подушечки для иглоков, выпяченные губы...

– Веспайнон! – Я взмахнула рукой, бросая заклинание.

Несколько долгих минут я боролась за чужую жизнь. Не прячась укушенная в библиотеке от людей, было бы проще и быстрее.

Восстановить дыхание, очистить кровь от яда. Чуть взбодрить.

Когда девушка свободно задышала, я и сама почувствовала вкус воздуха.

– С кем она приехала? Позовите ее близких.

– Да, конечно, сейчас...

Бдительную подругу потряхивало от волнения – и я успокоила ее заклинанием.

– Вы молодец, спасли жизнь человеку.

Щеки девушки порозовели, она несмело улыбнулась и вышла из библиотеки.

Через несколько минут родители пострадавшей забрали ее домой, стараясь лишний раз не привлекать к себе внимания. Скандал и слухи не красят барышню, которая только начала выезжать в свет.

Оставшись в одиночестве, я подошла к открытому окну, посмотреть на безупречный сад градоначальника и подышать свежим воздухом.

Тяжелая бархатная портьера и разлапистый цветок в кадке невольно спрятали меня, и ворвавшиеся в библиотеку дамы решили, что одни.

– Я не хочу, мама, не хочу! Он же страшный, как демон!

– Заткнись!

– У него шрамы, мама! Не хочу, нет!..

Шрамы?.. Это о ком они говорят? Неужели о лорде Аламейском?

Я хотела выйти, чтобы невольно не подслушивать, но ноги потяжелели, когда раздался звонкий звук пощечины.

– Тихо, маленькая дрянь!

Это же госпожа Грэхем? А скулящая девушка, которой досталась оплеуха, тогда ее младшая дочь?

– Хлоя, ты понимаешь, что произойдет, если откажешься? Твой отец угодит за решетку, наше имущество конфискуют, в том числе и твое приданое. И знаешь, что будет?

– Ты останешься старой девой, Хлоя, – подсказал третий женский голос.

О, и старшая дочь здесь? И чего же они вдвоем добиваются от младшенькой?

– И не надейся на хорошенькую мордашку – без приданого дочь преступника никому не нужна. – Госпожа Грэхем была резка, как никогда раньше на моей памяти.

Амалия уговаривала мягче:

– Я завидую тебе, Хлоя. Жаль, я уже замужем. Аламейский – влиятельнейший мужчина королевства, разумеется, после его величества. Богат, знатен. И он чародей.

– А еще у него шра-а-амы! – провыла Хлоя.

– Шрамы украшают героев. В столице леди рвут соперницам волосы, дерясь за право побывать в его постели. Он, говорят, в ней хорош, – мечтательно произнесла Амалия. – Щедрый на ласки, заботится, чтобы его любовница первой и не один раз получила удовольствие. Не то что некоторые...

Старшая сестра еще что-то пробурчала, но я не расслышала.

От циничных откровений меня потряхивало. В висках пульсировало.

Они всерьез решили выдать Хлою за лорда Аламейского? А его спросили?.. Хлоя красивая девушка, одаренная магичка, не спору. Но таких девиц полно и в столице! Почему чародей должен остановить свой выбор на дочери градоначальника провинциального городка? Да еще этот брак якобы спасет Грэхема от тюрьмы!.. Инспектор кажется принципиальным человеком, он не закроет глаза на вину тестя.

– Хлоя, я тебе очень, очень завидую, – повторила Амалия. – Подумать только, моя сестра – будущая герцогиня Аламейская!

Ага, как же, герцогиня!.. Не по этим зубам пирог, подавятся.

Громко шмыгнув сопливым носом, Хлоя с надеждой прошептала:

– Ты правда мне завидуешь?

– Да, – вздохнула сестра. – Знала бы я, что в наших краях объявится герцог, потерпела бы с замужеством еще годик.

– Мама, вы меня не обманываете? Без этого... именно сегодня не обойтись? – уже сквозь слезы спросила Хлоя. – Я хотела все по правилам, после храма...

Я кусала губы, сдерживая желание выскочить из своего убежища. Страшно, дико подслушивать подобное! И это родные люди...

– Хватит сопли развозить! – рявкнула госпожа Грэхем.

Даже меня проняло: столько злости прозвучало в тоне.

– Чародей выпил всего один глоток, подействует скоро, а ты, Хлоя, с распухшим носом. Приведи себя в порядок и беги в кабинет отца, пока не поздно. Вот запасной ключ.

Дамы поспешно покинули библиотеку.

Щеки полыхали, руки тряслись. Стыд. Гнев. Ужас. Я и не представляла, что подобное бывает! Градоначальник замешан в каком-то злодеянии и пытается спастись, породнившись с инспектором, и для этого идет на новое преступление!

Хлою принуждают скомпрометировать себя, прыгнув в объятия Аламейского. И тот, опоенный зельем, не устоит. И будет вынужден жениться, чтобы замять скандал, ведь Хлоя магичка, и вместе с невинностью отдаст своему первому мужчине благословение богини, усилит его. А если чародей откажется жениться, она заявит, что ее взяли силой, опозорили, лишили самого дорогого... До чего же мерзко, боги! И это творят родители девушки...

А Аламейский? Почему он не почувствовал зелье в своем бокале? Или зелья там и не было, а виноват сам бокал? Опять-таки почему умный, сильнейший чародей современности не определил, что пьет из артефакта?

Разные бокалы для разных гостей... Точно! Это был не просто артефакт, а древний, из церигия! Серебро и магический металл сложно различить на глаз.

Я толкнула окно, открывая его шире, и влезла на подоконник. Слава богам, что мода на пышные юбки с кринолином закончилась до войны и сейчас приветствуются естественные линии в одежде. В длинном платье тоже неудобно, но зато его можно подобрать и завязать на поясе. Пару минут промедления роли не сыграют, и Аламейский не потеряет статус свободного мужчины.

Я особо не думала, действовала на эмоциях, твердо зная, что должна спасти инспектора, пусть даже он и не оценит мои старания.

Для первого этажа высоковато. Используя портьеру, как веревку, я спрыгнула на клумбу. И повисла.

Мое платье зацепилось за подоконник!.. И больно сдавило тело в талии. Может, это знак богов? И мне не стоит влезать в чужие разборки? Что я смогу сделать сама? Я, слабая женщина, не справлюсь с градоначальником и его семейкой. И вообще, почему я спасаю врага? Он хотел отправить Оливера в пансион, не вошел в положение с моим отсутствующим дипломом. Что он сделал для меня хорошего?

Ни-че-го!

Инспектор – чародей, вот пусть разбирается со своими проблемами сам. Я же нужна маленькому сыну, больше у него фактически никого нет. И если меня сейчас убьют – а меня точно не пожалеют, ведь градоначальник не пощадил даже родную дочь, – мой мальчик останется один. Нет, пусть Аламейский спасает себя сам!

Треск ткани. Миг полета.

Я упала на клумбу, сильно ударившись ладонями и коленками. Ох, больно-то как!..

Кажется, богам не понравилось направление, куда свернули мои мысли. Я же целительница и просто сознательная гражданка Церестана. Я не могу оставить человека в беде!

К тому же Аламейский – герой войны, представитель короля, занимается нужным делом. И он пообещал оставить Оливера в покое.

Все, решено! Я помогу Аламейскому, но не одна.

Зная, где стоит карета инспектора, я уверенно бежала по саду.

Когда я зацепилась каблуками за траву и чуть не упала во второй раз, пришлось остановиться и снять туфли. Хоть сейчас лето, на мне шелковые чулки, обработанные магией, не порвутся и не позеленеют, и бежать буду быстрее.

Найдя карету Аламейского, возблагодарила богов, что кучер никуда не ушел, а все так же сидел на козлах.

– Вашему господину нужна помощь! – запыхавшись, сообщила я.

Мужчина даже не пошевелился. Спал, что ли? Из-за поднятого воротника плаща и широкополой шляпы лица не видно.

– Его опоили из бокала-артефакта и сейчас пытаются женить!

– Да ладно! – радостно заржал кучер и щелчком пальца сдвинул шляпу назад. – Ну, лорденыш и влип! Зато его матушка будет рада хоть такой невестке!

Хриплый смех напоминал треск стекла, по которому прошлись в сапогах с железной набойкой. Неприятный, жуткий смех, как и тип, который его издавал.

– Вы собираетесь помогать своему господину?

– А ему нужна помощь? – продолжал издеваться кучер.

Огромные желтые глаза, белая кожа и волосы. А зубы!.. Заостренные, как у хищника. Не человек. Точнее, не совсем человек?..

Плоды союза человека с представителем другой расы встречались нечасто, ведь нелюди редко заглядывали в наш мир. Смески обладали невероятной силой и странной моралью. И где только Аламейский раздобыл подобного индивида? Кажется, сегодня он за это расплатится – в отличие от нормального кучера, этот помогать не собирался.

– Простите, что побеспокоила, – едко произнесла я. Очень хотелось запустить туфлями в гада.

А собственно, почему я отказываю себе в удовольствии?..

– Вы трус?

Первая туфля полетела в кучера и угодила точно в лоб.

– Или предатель?

Вторую туфлю кучер отбил и по-звериному зарычал.

Жуткий рык сквозь оскаленные зубы придал мне ускорения. Страшно! И в то же время хотелось смеяться: у кучера был такой удивленный вид! Видать, никогда не получал по голове дамской туфелькой?

Нет, больше рисковать и дразнить я не буду. Понятие чести у нелюдей отличается от человеческого. За некоторые глупые, но в целом безобидные поступки они могли покарать смертью.

Ничего, как-нибудь сама вытащу Аламейского из передряги.

Я побежала обратно к дому. Повезло, что неплохо знала его планировку.

Одной рукой держась за выкинутую из окна штору, я залезла обратно в библиотеку.

В коридоре никто не встретился, и без препятствий я добралась до кабинета хозяина дома.

Комната закрыта изнутри. Для меня это не проблема: когда Оливер в шесть лет случайно закрылся в спальне, гостивший у нас Людвиг показал заклинание, взламывающее замки. Он не имел права выдавать секреты военных, но для семьи брата сделал исключение.

Приставив ладонь к замочной скважине, шепнула отпирющее заклинание.

И снова я вовремя.

Бледная Хлоя торопливо раздевалась, если так можно назвать кромсание одежды ножом для разрезания корреспонденции.

Лорд Аламейский лежал на диване и не подавал признаков жизни. Если он в отключке, то как Хлоя должна лишиться невинности?! Как целителю, даже интересно было бы на это взглянуть, но... не в этот раз точно.

Покончив с шелковым нижним бельем, голая девица нерешительно приблизилась к спящему. Миловидное лицо исказилось от нахлынувших эмоций, когда она взялась за ремень лорда.

– Не смей, отойди от него!

Хлоя уронила нож и торопливо завернулась в покрывало, схватив его с дивана.

– Госпожа Рутшер... – На меня смотрели огромными, словно чайные блюдца, глазами.

Тоска, растерянность и стыд – вот что я увидела в девичьем взгляде, прежде чем все перекрыла решимость.

Подняв с пола нож, Хлоя прошипела:

– Уйдите, госпожа Рутшер, иначе я его убью!

– Убьешь беззащитного человека?

– Да! Он угроза для моей семьи!

Я не боялась, что девушка убьет чародея, – смелости не хватит и знаний, куда бить, чтобы наверняка. Чародеи ведь живучее кошек, их еще попробуй прикончить. Да и не явился Аламейский к предполагаемым преступникам без защиты. Если есть артефакт, определяющий ложь, значит, есть и другие. Если их, разумеется, с него не сняли, воспользовавшись беспамятством.

Ну а если чародей все-таки глуп и Хлоя его чуть порежет, я подлечу. И даже шрам потом уберу, хоть внешность Аламейского уже ничем не испортить.

– А как ты его будешь убивать, Хлоя? – коварно поинтересовалась я и, обмирая от ужаса, принялась вдохновенно размышлять: – Грудную клетку таким ножичком не пробить, по горлу

ударить – в фонтане крови искупаешься. Горячая кровь на полуобнаженное тело? Хм, не очень приятные ощущения, если ты не вампир... О, а ткни-ка ты его в глаз! Прямо в мозг попадешь...

– Хватит!.. Хватит ваших дурацких советов!

Хлоя зарыдала, нож выпал из рук.

– Думаете, я хотела тут быть? Мне теперь конец...

– Ты преувеличиваешь. Все-таки они твои родители.

Несостоявшаяся соблазнительница и убийца взглянула на меня исподлобья.

– Если отца посадят, мы потеряем состояние и положение в обществе. Простит ли мне позор мать?.. Если сейчас не прибьет, то житья не даст точно...

Госпожа Грэхем слыла несдержанной, что и неудивительно для воздушницы. Поговаривали, в гневе она как-то швырнула заклинанием провинившуюся служанку в стену. Беднягу едва спасли, а случившееся замяли, подкупив свидетелей.

– Поверь, ты будешь жалеть до конца жизни, если сделаешь то, что велют родители.

Хлоя колебалась.

Вздохнув, я предложила:

– Помоги вытащить инспектора из дома и можешь переждать грозу у меня.

Мои слова помогли сделать выбор.

– Спасибо, госпожа Рутшер! Я всегда знала, что вы самая добрая в этом городе.

Угу, скорее глупая, раз ввязываюсь в еще одни неприятности.

Хлоя повеселела и, надежнее завернувшись в покрывало, спросила:

– Как мы будем тащить инспектора? Он скоро начнет просыпаться.

Мой мечущийся по кабинету взгляд зацепился за шторы. Не из бархата, как в библиотеке, но тоже из крепкой ткани. А почему бы и нет?..

– Ждать, пока инспектор проснется и сможет идти сам, нельзя.

– Это точно! – с откровенным страхом рассматривая чародея, согласилась Хлоя. – Нам лучше быть подальше, когда он очнется.

Сдернув синюю штору с карниза и расстелив возле дивана, я подошла к спящему.

– Тебе точно лучше быть подальше – он ведь сразу раскусит план градоначальника, когда увидит тебя в таком виде.

Хлоя густо покраснела.

Несколько секунд я примеривалась к чародею, решая, как лучше его переместить на штору, наши импровизированные носилки.

– Чего вы ждете? Столкните его! – посоветовала бессердечная девчонка.

В своей неудобной хламиде из покрывала она нерешительно топталась на месте, и я в одиночку скатила инспектора на пол.

Честное слово, я старалась его придержать, но худощавый чародей оказался слишком тяжелым. Утратив равновесие, я еще и упала на него сверху.

Упала и окаменела. Кажется, он начал просыпаться... но пока не весь.

Чародей прерывисто выдохнул, и я вскочила с него как ошпаренная. Нет, я тоже не хочу, чтобы он просыпался!

– Потасили! – велела я сообщнице и взялась за свой край шторы.

Первый день знакомства с лордом Аламейским (день приезда не в счет, директор меня не представил ему), а я уже таскаю его бесчувственное тело. Возмутительно-невероятная ситуация!..

Любопытно, что произойдет завтра?

Глава четвертая, в которой идет честный дележ мужчин

Тихонько пыхтя, мы вытащили тело в коридор. Хлоя путалась в длинном покрывале, приходилось следить, чтобы она не уронила свою «часть» инспектора. Еще несколько метров – и меня осенило.

– Подожди, – смущенно попросила я девушку.

Хлоя с удовольствием остановилась и положила ноги инспектора на пол. Да, я не доверила ей самое ценное – голову.

– На окнах ведь стоит защита, правильно? Но ты ее сможешь вскрыть, как дочь хозяина дома?

Я чувствовала себя глупо. Зачем нести инспектора в библиотеку, если Хлоя может открыть окно в кабинете?

– Нет, – смутилась девушка. – Защита на кабинете мне не подчиняется, почему отец и заманил инспектора сюда. Надеялся, что тот не сумеет взломать ее сразу и не успеет сбежать до того, как подействуют чары бокала. А он взял и отключился сразу, даже не сопротивлялся, такой хилый.

Грустно, что придется тащить до конца коридора, но зато я не сглупила, когда предложила побег через окно в библиотеке.

– Джемма, что происходит? – возмущенный окрик резанул по нервам.

Боги, только моего деверя здесь и не хватало!

Потрясение Людвига, который не сводил взгляда с Хлои, мне запомнится надолго. Кроме удивления, был и мужской интерес – еще бы, наряд девушки демонстрировал ее прелести лучше самого откровенного вечернего платья. Похоже, потеряла я поклонника окончательно. Сама виновата, решаться надо было раньше, а не водить за нос.

Досада вперемежку с куражом подсказали отличный выход. Это ведь сами боги послали Людвига!

– Мы спасаем инспектора. Как офицер его величества, ты должен нам помочь.

– Я и не отказываюсь! – возмутился Людвиг. Забрав у Хлои конец шторы, он сухо велел: – Шевелись, Джемма, и рассказывай, что происходит.

Так просто потребовать и получить помощь? И меня дотошно не расспрашивали, почему я уверена, что градоначальник предатель? А это точно мой занудный деверь?

Расстояние до библиотеки мы преодолели до смешного быстро. Вот что значит помощь мужчины, а не хрупкой девчонки.

Не щадя чувств Хлои, я коротко пересказала все, что подслушала.

– Протащить инспектора через окно легко, сложнее будет покинуть территорию.

– Я приехал с друзьями, свою карету предложить не могу. Схожу за кучером инспектора, мне он не откажет, – решительно произнес Людвиг. – Дверь никому не открывайте.

И он забаррикадировал ее массивным креслом.

Выпрыгнув в окно, Людвиг растворился в темноте среди деревьев.

– Богиня, что теперь будет? Что же я натворила?..

Хлоя словно пришла в себя. Поняв, что послушалась родителей, испугалась и спрятала лицо в ладонях. Плечи ее мелко подрагивали.

Ее переживания мне понятны: привычный мир разбился вдребезги, возврата к старому не будет. Ее предали родные, она ответила им взаимностью. Теперь судьба в ее руках.

– Все будет хорошо, ты не останешься наедине с неприятностями. Инспектор – благородный человек, он примет во внимание твою помощь.

– Мне он не кажется настолько благородным, – жалобно всхлипнула Хлоя. – Безжалостный, циничный, холодный чародей!

Признаться, я разделяла ее мнение, но старалась утешить, не чураясь обмана.
Аламейский застонал и перевернулся на бок.

Мы испуганно переглянулись.

Артефакт, как я предполагаю, должен пробудить в инспекторе безудержную страсть. В этот момент нам с Хлоей лучше быть подальше, в идеале – сдать его кучеру, пусть везет в веселый квартал к ночным красавицам.

Людвиг, где же ты?.. Что-то мне уже страшно.

Стараясь отвлечь девушку от мрачных мыслей, я задала провокационный вопрос:

– Кстати, твоя сестра ведь вышла замуж с помощью бокала-артефакта?

Хлоя открыла рот, чтобы возразить. Закрыла и нахмурилась. После недолгих размышлений тяжело вздохнула и кивнула:

– Похоже, вы правы, и мои родители использовали запретные чары, чтобы устроить жизнь Амалии. Клянусь, я об этом не знала, даже не догадывалась до сегодняшнего вечера.

Ручка на двери дернулась. Спазм страха перехватил мое горло.

– Хлоя, ты здесь? – сладко пропела госпожа Грэхем. – Ты в порядке, милая?

Я отчаянно замахала рукой, веля молчать, но поздно.

– Да, – ответила Хлоя матери.

– Ты одна? – В голосе госпожи Грэхем звучало беспокойство.

Понятно, пришли в кабинет поддержать свечку, а дочери и жертвы в будущие зятя нет. Всполошились и бросились искать по всему дому.

– Мама, позвольте мне побыть в одиночестве!

– Зачем ты закрылась? Я чувствую сердцем, что ты не одна. Что происходит, милая?

Госпожа Грэхем решила, что Хлоя играет свою роль, хоть и сменила декорации для брачной драмы. А может, забеспокоилась, что инспектор сбежал и дочь-растяпа теперь здесь прячется от родительского гнева?

– Мама, оставьте меня, пожалуйста! – взмолилась девушка.

– Нет, – категорично возразил из-за дверей градоначальник. – Открой, Хлоя!

Я знаками показывала, что нужно тянуть время, но Хлоя не понимала.

– Оставьте меня в покое!

За дверью слышалось шебаршение и приглушенная ругань. Затем порыва ветра вынес дверь, отшвырнув кресло. Повезло, что мы стояли у дальнего окна и нас не приложило тяжелыми досками и щепками.

– Ага, и госпожа Рутшер здесь, – зло протянул градоначальник, быстро оценив ситуацию.

– Снова сунула нос в чужие дела! – поддакнула его жена и активировала «Смерч».

Глядя на черный вихрь на ее ладони, я четко поняла: сейчас меня будут бить. А я толком и защититься не смогу...

– Людвиг! Помогите!

Мой отчаянный крик слился с атакой госпожи Грэхем.

Режущий плоть «Смерч» размазало о прозрачную преграду, превращая его в обычный слабый порыв ветра.

– Что здесь происходит? – сонно произнес инспектор.

Обернувшись, я успела увидеть, как он трет глаза, сидя на полу. Затем мужчина плавно поднялся, при этом мешающая штора осыпалась прахом. Радикально. И очень показательно. С преградами он не церемонился.

– Лорд Аламейский, вышло недоразумение, – испуганно произнес градоначальник. – Вы же знаете этих женщин? Всегда торопятся с выводами! Моя супруга не то подумала и сразу атаковала.

– Да-да, я погорячилась, – закивала госпожа Грэхем. – Хлоя, пойдем!

Ухватив дочь за руку, она потащила ее прочь из библиотеки.

Пользуясь дезориентацией инспектора, они пытаются сбежать? Запрдельная наглость!
– Стоять, – хрипло велел Аламейский.

Я восторжествовала: сейчас чета Грэхем получит по заслугам!

Произнес инспектор совсем не то, что я ожидала услышать.

– Хлоя остается с нами, вы свободны до утра.

Градоначальник побледнел и оттянул платок на шее, обнажая судорожно дернувшийся кадык.

– Почему до утра?..

– А сами как думаете?

Насмешка Аламейского подтвердила, что формулировка неслучайна: утром господина Грэхема арестуют.

– Дамы, нам пора.

Инспектор бесцеремонно подхватил нас с Хлоей под руки и повел мимо ошарашенных хозяев дома. Останавливать нас не решились.

– А разобраться с преступниками? – возмутилась я закономерно.

– Потом, – процедил Аламейский сквозь зубы, как будто они у него болели.

– А если сбегут?

– Догоним.

– А как же артефакт, которым вас одурманили?! – Я не собиралась сдаваться. – Его нужно изъять, пока не спрятали!

– Он тоже никуда не денется.

Инспектор – само хладнокровие во плоти. На его месте я бы устроила самосуд, ведь право карать за определенные проступки у эmissаров было.

По закону принудить к нежеланному браку чародея не имел права даже король, а какой-то провинциальный градоначальник вздумал поправить свои дела за счет дочурки.

– Одурманив, они хотели женить вас! И сейчас вы просто уходите?!

Аламейский остановился и, выпустив из своей стальной хватки руку Хлои, доверительно произнес:

– Видите ли, госпожа Рутшер... – Он наклонился ближе и прошептал, обжигая дыханием мою шею: – Я не уверен, что одолел чары артефакта полностью.

Признание повергло меня в замешательство. То есть возможен магический откат? А главное, он в курсе произошедшего, значит, все это время... О боги, он притворялся?!

Последнее возмутило до глубины души, но устраивать истерику в доме врагов будет только глупая женщина. Себя к таковым я не причисляла. А еще я наконец заметила его расширившиеся зрачки. Сильно расширившиеся. Он все еще борется с чарами? А что будет, если на нас сейчас нападут?

– Давайте уйдем через черный ход?

– Зачем? Я не вор, чтобы сбежать украдкой.

Ох уж эти мужчины с их гордостью!.. В лазарете, где я проходила практику, поговаривали, что настоящий воин обращается к целителю, только когда обломок меча в спине мешает спать.

И я пошла на хитрость, указав на Хлою:

– О ее репутации вы подумали? Она будет погублена окончательно!

– Хлое идет покрывало, – без издевки произнес инспектор. – Но раз госпожа Рутшер настаивает, сделаем так.

Он щелкнул пальцами – вокруг тела Хлои замерцала серебристая пыль, которая через несколько мгновений собралась в голубое платье. Красивое и по-столичному элегантное. Даже пуговицы гармонировали с тканью – Аламейский скопировал чей-то наряд мастерски. Дове-

лось снимать с какой-то дамы? После подслушанной характеристики от Амалии чему я еще удивляюсь? Он еще тот волокита, и шрамы ему не помеха.

– Платье – иллюзия?

– Нет, госпожа Рутшер, сам только что пошил, – насмешливо возразил инспектор.

– Да вы талантливей моей модистки! – в том же тоне отозвалась я.

Он прошелся по мне пристальным, раздевающим взглядом, и на миг я забыла, как дышать, стало жарко.

– Обращайтесь, с удовольствием сниму с вас мерки.

– Спасибо, вынуждена отказаться – я боюсь щекотки.

– А я аккуратно, – заверил инспектор и даже показал, как будто слегка сжимает руками что-то выпуклое, похожее на холмики.

Пошляк... Сделаю вид, что ничего не поняла.

– Сожалею, лорд Аламейский, услуги столь высокопоставленной модистки мне не по карману.

– Отчего же? – Он вскинул изломанную шрамом бровь. – Мы всегда сможем договориться о цене.

Перебрасываясь фривольными шутками под тихое оханье смущенной Хлои, мы спокойно шли по коридору, никого и ничего не боясь. Парадокс, но рядом с Аламейским я ощущала себя в безопасности, а мое сердце пело от радости, что он не бросил Хлою на съедение разозленным родителям.

Нам встречались слуги и гости. Если у последних и возникли вопросы, почему молодая госпожа уходит с нами, их никто не задал. Так легко, вопреки моим опасениям, без препятствий, мы вышли из дома.

Неподалеку от лестницы стоял черный экипаж с кучером, не по погоде одетым в теплый плащ. Поблизости переминался с ноги на ногу Людвиг. Что это с ним? Вид у деверя, словно у впервые попавшего под дождь котенка – несчастный и удивленный.

– Джемма, прости, я не сумел выполнить обещание, – принялся каяться он. – Этот наглец твердит, что его лорду помощь не нужна и...

– Все в карету, – грубо перебил инспектор. – Живо!

Тон такой, что я не посмела возразить и послушно выполнила приказ. Естественно, не без поддержки Людвига, который галантно помог нам с Хлоей подняться в карету, пока инспектор что-то втолковывал кучеру.

– Итак, вечер удался, – заявил Аламейский, садясь рядом со мной.

– У кого как, – уязвленно заявил деверь, устроившийся напротив, рядом с Хлоей. – Кучер отказался вам помочь – впервые вижу настолько наглого слугу!

– Мой кучер следовал инструкциям, – усмехнулся Аламейский.

Яркий свет магического фонаря подчеркнул тени усталости под его глазами – как ни бодрился, а приключение на нем сказалось серьезно.

Карета резко тронулась – Хлою качнуло вперед. Людвиг заботливо придержал ее за плечи, и девушка смущенно что-то пролепетала. Лицо моего деверя осветила глупая улыбка.

Чего это они? Ах да... иллюзия. Платья-то на Хлое нет! И Людвиг об этом не только знает, но теперь и осязает. А еще их тянет друг к другу. Все, о Людвиге можно окончательно забыть. И горько, и одновременно хочется пожелать ему счастья. Сама себе я сейчас напоминаю сытую собаку, которая не только не грызет кость, но и зарывает ее в землю, чтобы никто не нашел.

Раньше я считала себя добрым, независтливым человеком, теперь же поняла, что и мне не чужды темные эмоции. Но я буду бороться с ними...

Повернувшись к окну, натолкнулась на изучающий взгляд Аламейского. Такое ощущение, что он знает все мои секреты. Глупости. Просто ему по должности положено прожигать людей подозрительным взглядом, вот и тренируется.

Недолго мы ехали – карета резко остановилась.

– Лорд Рутшер, ваш квартал, – отрывисто бросил Арамейский, и дверь экипажа открылась сама.

– Я хочу сопроводить невестку и госпожу Грэхем, – нахмурился Людвиг.

– Вам лучше не мелькать рядом с девушкой из опальной семьи, если не планируете дать ей свое имя, – заявил грубо инспектор.

Зачем он говорит такое? Не понимаю ход его мыслей!

Я терялась в догадках, а Людвиг вдруг смутился.

– Я...

– Так я и думал, – резко перебил его Аламейский. – Всего хорошего, лорд Рутшер!

И мой обычно задиристый деверь, сейчас бледный до синевы, покинул карету. В тот же миг лошади сорвались с места, как будто за ними гналась стая волков.

Мои мысли тоже напоминали шальных скакунов. Почему инспектор так груб? Почему Людвиг не поставил его на место? При чем здесь Хлоя? Как нахождение рядом с моим деверем опорочит ее?

– Ждите брачное предложение, – поймав взгляд Хлои в плен, уверенно заявил Аламейский. – И не смейте отказываться: Людвиг Рутшер, при всей своей ветрености, человек долга.

– Не понимаю, почему он должен сделать мне предложение? – изумилась Хлоя и уязвлено добавила: – Я хочу выйти замуж по любви, а не за чародея, с которым всего лишь перекинулась парой слов.

Я чуть не фыркнула. Не так давно я наблюдала, как она выполняла приказ матери, заставившей соблазнить незнакомца.

Инспектор также отметил иронию ситуации.

– Ага, вот почему вы рыдали и резали свою одежду? От большой любви ко мне?

Пристыженная Хлоя вжалась в обитую черным бархатом стенку кареты.

– Выходите за Рутшера, еще благодарить меня будете за совет, – настаивал инспектор. – И да, он совсем не похож на демона – у него нет шрамов.

Он пакостно усмехнулся и переключился на меня.

– Теперь вы, госпожа Рутшер. Наши планы неизменны, за одним исключением: утром вы приведете госпожу Грэхем в школу. Доброй ночи, дамы!

Инспектор постучал кулаком в стенку кареты. Кучер тут же ее остановил, и Аламейский скрылся в темноте.

И это все? Нет, я не рассчитывала на благодарность – спасти его, как выяснилось, не требовалось. Но хоть что-то он мог сказать? Например, отметить, что я была неплохой напарницей в его аванюре.

Жмот на добрые слова. Или нет?..

Внезапно я осознала, как он себя вел. Куражился. Был нелогичен. Перед самым уходом и вовсе проявил недовольство, будто не сдержался. Нет, он словно превозмогал боль. Как будто у него ныли зубы. Невыносимо, до красных кругов перед глазами ныли...

Да у него же начался магический откат, поэтому он и сбежал! Слишком горд и не хочет, чтобы видели, что надорвался? И как его вскоре будет ломать и корезить от боли?

Как я могла позабыть об этом? Влияние древнего артефакта нелегко снять самостоятельно даже сильному чародею. Если получилось, откат неминуем. Магический резерв на время будто пересыхает, невероятная слабость, судороги и лихорадка. И боль, которую не все могут пережить!

Я постучала кучеру, без слов требуя остановиться.

Аламейского надо спасать, иначе проблемы будут не только у меня, целителя, проглядевшего откат, но и у школы. Да и всего города! Как же! Допустили гибель королевского инспектора, героя войны!

– Госпожа Рутшер, что-то не так? – забеспокоилась Хлоя.

У нас вот-вот окочурится эмиссар короля, а в остальном все отлично.

Естественно, я не стала пугать девчонку.

– Хлоя, я обещала приютить тебя и не отказываюсь от своих слов. Но поедешь ты одна – Лил подготовит гостевую комнату.

Всунув в дрожащую ладошку Хлои ключ от входной двери коттеджа, я попыталась покинуть карету.

Не тут-то было!

– Госпожа Рутшер, вы куда? – Вспокоившись, девушка вцепилась в подол моего платья. – Вы к инспектору? Не надо!

Пришлось признаться:

– У инспектора магический откат после вашего семейного артефакта, ему нужна помощь. Я выдернула свое платье из захвата и фактически выпрыгнула из кареты.

Кучер, отчетливо слышавший мое объяснение, сдавленно хрюкнул. Смеется? Жаль, что я без туфель...

– Госпожа Рутшер, вернитесь, – молила испуганная Хлоя, – вы пожалеете!

Кучер тронул вожжами, и экипаж понесся в сторону моего дома.

Босоногая и взбудораженная, я осталась одна под тусклым фонарем.

Я знала, где находилась. Предсказуемо, кучер высадил инспектора неподалеку от особняка, в который селились все королевские чиновники высокого ранга, когда проезжали через наш город. Случалось это редко, поэтому в доме не было постоянного штата прислуги.

Как ни всматривалась в темноту, а отыскать Аламейского взглядом не сумела.

А он прыткий. Несмотря на откат, успел отойти далеко, возможно, уже на подходе к временной резиденции. Что ж, нагряну в гости без приглашения.

Я решительно шагала по тротуару, уже видя нужные узорчатые ворота. Надеюсь, на них нет защиты и Аламейский их не закрыл в ожидании кучера.

Если откат только подбирается к инспектору, просто восполню ему силы, дальше организм чародея справится сам, а я пойду домой. Но если процесс запущен, придется обезболить и отправлять в целебный сон, а потом – наблюдать до самого утра, если хочу, чтобы мой пациент проснулся. А я хочу. Мне не нравятся методы Аламейского, я расстроена тем, что градоначальника не передали в руки стражи. Но кто я такая, чтобы критиковать чужую работу? Тем более что расследование не закончено.

Под ногами шуршали опавшие из-за жары листья. Мелкие веточки и камни впивались в незащищенные обувью ступни. Свои обязанности дворник, отвечающий за этот квартал, выполнял отвратительно: чулки я не порву, но ноги натру серьезно.

Очередной камешек оказался слишком острым – я остановилась и зашипела. Больно-то как!

– Госпожа, почто вы бьете свои ножки? – вкрадчиво поинтересовались из темноты.

Передо мной вырос мужчина в плохо скроенном костюме – пиджак едва не трещал на широких плечах. Длинные руки с ладонями-лопатами он слегка растопырил, будто готовясь кого-то ловить. Не меня ли?..

Позади кашлянули. Я резко обернулась – в десяти шагах от меня стоял тощий, зато в идеальном костюме мужчина.

Грабители? Или праздные гуляки, заметившие одинокую женщину и решившие покуражиться? Что-то подсказывает, первый вариант. Точно, слишком грамотно взяли в клещи.

Страх я не испытывала – на всякий случай уже плела сложное заклинание.

– Я спешу.

Я попыталась обойти здоровяка. Буркнув что-то невнятное, он расставил руки шире, но схватил только воздух. Я увернулась, чудом концентрируюсь на плетении усыпляющего заклинания.

– Вас учили манерам, госпожа? Невежливо игнорировать людей, которые хотят вам помочь.

– Невежливо стоять на пути торопящейся дамы, – спокойно отозвалась я, напряженно следя за первым грабителем.

Голос второго раздался еще ближе:

– Уж простите, мы манерам не обучены.

Моя новая попытка проскочить мимо рукастого провалилась – он бросился наперерез и едва меня не поймал.

– Вы осчастливите нас, благородная госпожа, если исправите это упущение.

– У госпожи мало времени, зато у меня хоть отбавляй, – насмешливо заявил новый голос.

Сначала я обрадовалась, узнав Аламейского, затем запаниковала. Зачем он влезает? У меня все под контролем! Я почти доплела двухступенчатое заклинание сна, структура которого позволит пробиться даже сквозь защитные амулеты грабителей.

– Да простит меня господин, но уроки симпатичной учительницы усваиваются лучше. – Грабитель бесцеремонно намекнул на шрамы инспектора.

Ему бы на себя в зеркало посмотреть – он сам далеко не красавчик.

– А вы эстет! – с притворным удивлением воскликнул Аламейский. – Значит, должны оценить это.

Он зажег в руке шар черно-красного пламени. Впечатляюще красочное заклинание, безумно мощное. И относится оно к арсеналу боевых магов, чья основная стихия огонь.

Что же инспектор творит? Слишком энергозатратно! О чем только думает? И вообще, почему не корчится на земле после переутомления?

– Таки господин – маг? – разочарованно протянул первый грабитель.

– Чародей, – уточнил инспектор весело.

– Приносим свои извинения, ваше чародейство. – Тощий грабитель поклонился и дал знак подельнику уходить.

Мой вздох облегчения совпал с черным болтом, прилетевшим откуда-то сверху. Ударившись о вспыхнувший алым щит инспектора, смертельный «подарок» осыпался пеплом.

– Сюда, Джемма!

Не раздумывая, я подчинилась приказу. Аламейский, накрыв меня щитом, крепко прижал к груди.

Грабители растворились в темноте.

– Опять от вас уходят преступники! – неосмотрительно воскликнула я, находясь под впечатлением от страшной арбалетной стрелы. Усиленная магией, она пробивала человека насквозь. И если на нем не было исцеляющих амулетов, помощи дожидаться он не успевал.

– Далеко не уйдут, на них метка, которую ни снять, ни спрятать, – объяснил Аламейский. – За мной в некотором отдалении следует отряд боевых магов, никто не уйдет от наказания.

Меня озаарило:

– Подождите... Градоначальника вы тоже пометили?

Точно! Вот почему Аламейский спокойно ушел с приема, не переживая, что преступники сбегут.

– Я слышу в вашем голосе возмущение, – усмехнулся мужчина.

– Разве? С чего бы мне возмущаться?

– А сейчас – сарказм, – прокомментировал он почему-то севшим голосом.

И до меня дошло. Мы все так же стояли, обнявшись. Рука инспектора продолжала обвинять меня, но пальцы почему-то переползли выше, к груди.

Меня бросило в жар. Да он же, забывшись, меня гладил! Или его действия осознанны?

Я дернулась – инспектор без возражений отпустил.

– Раз вы в порядке, я поймаю извозчика и поеду домой.

– Нет. – Инспектор резко потянул меня обратно. – Не отходите от меня далеко, пойдем под щитом.

– Почему? Стрелок, прикрыв своих товарищей, уже покинул крышу!

– Как вы наивны, Джемма, – усмехнулся Аламейский. – Провинциальные грабители не работают под настолько мощным прикрытием. С крыши стрелял наемный убийца.

Что мы идем к дому, в котором остановился инспектор, я осознала не сразу.

– Стойте! Даже если это наемник, он стрелял в вас. Мне ничего не угрожает, и я могу спокойно отправляться домой.

– Не будем рисковать, госпожа Рутшер, дождетесь моего кучера.

– Благодарю за предложение, но я лучше пойду, раз вы в порядке.

Я решительно повернулась назад, и надо же было камню попасть под ногу! Я ойкнула. На эмоциях приподняв подол платья, увидела кровь. Чулок цел, но подъем ступни поранила.

– Вы босиком? – удивился инспектор и подхватил меня на руки.

– Отпустите! – Моему возмущению не было границ.

– Нет. Сама судьба велит вам ждать кучера. Пока его нет, я взгляну на вашу ногу.

Мы быстро шли (точнее, шел инспектор, а я ехала у него на руках) по темной аллее, которая ровной лентой протянулась от ворот к парадному входу в дом.

– Вообще-то, здесь целительница я!

– Вы беспокоились обо мне, почему я не могу оказать ответную любезность?

– Я не беспокоилась! – поспешила оспорить я.

– Тогда почему вы здесь? – резонно поинтересовался инспектор.

– У вас магический откат, я не хочу обвинений в непрофессионализме и неоказании помощи.

– То есть вам меня совсем не жаль? – с подчеркнутой грустью спросил мужчина. – Вы руководствовались лишь здравым смыслом? Какая досада... Зато честно.

– Нет, вы неправильно меня поняли! Я буду сочувствовать каждому, кто окажется в подобном состоянии.

– Но не мне, – печально констатировал инспектор.

– Да с чего вы взяли!

И вдруг я поняла: он же смеется надо мной! Раз так, то пусть тащит, переживать не буду, что надорвется.

Я обвила его шею руками.

Когда мы поженились с Рутшером, несмотря на мою стройность, он вспотел, пока выносил меня из храма. Любопытно, на сколько хватит инспектора...

Глава пятая, в которой происходит более тесное знакомство

Вопреки моим злым чаяниям, Аламейский неумоимо шел к цели, ничем не выдавая своей усталости. Как будто не чувствовал ноши.

Я же все прекрасно ощущала: и стальные мускулы, и запах свежего с горчинкой парфюма. Ох... Мне нравится, как пахнет инспектор? Какого демона я его вообще нюхаю?! Запах – первый признак совместимости, как учил нас преподаватель гармонии, и мое открытие обеспокоило. Нет-нет, мне не должен нравиться инспектор! В некотором роде он враг, ведь желает разлучить меня с Оливером. Пусть из добрых побуждений, но я лучше знаю, что нужно моему сыну.

Открыв дверь магией и перенеся меня через порог дома, как новобрачную, инспектор остановился лишь в кабинете.

При нашем появлении загорелись маглампы, освещая просторную комнату, оформленную в черно-бело-синих тонах. Мрачно-деловой интерьер. Узкая софа, несколько книжных стеллажей и кресел, длинный стол и внушительный стул-трон – в кабине минимум мебели.

– Располагайтесь. – Аламейский аккуратно опустил меня на кожаную софу.

– Спасибо, – неловко поблагодарила я, все еще находясь под впечатлением от своего открытия.

Мне нравился инспектор. Первый мужчина за многие годы. Я думала, мое сердце выгорело, ан нет, в пепле тлели угольки.

Инспектор опустился на колени возле софы и, пользуясь моей растерянностью, обхватил раненную ступню ладонями.

– Не надо, я сама!

Приятное тепло затопило ногу от кончиков пальцев до колена. Несколько ударов сердца – и боль исчезла как не бывало. Осталось острое ощущение чужих пальцев на щиколотке, ласковые, глядящие прикосновения.

– Больше не теряйте туфли, все равно в стране нет холостых взрослых принцев. – Шутка-намеки на старую сказку не смягчила резкости тона.

Аламейский так торопливо поднялся с колен и отступил от софы на несколько шагов, что показалось, будто он сбегает. Или не показалось?

Пальцы, которые только что касались моей щиколотки, чуть заметно дрожали.

– Я отдам распоряжение Хельцу поскорее возвращаться и отвезти вас домой.

Аламейский торопливо создал магическую птичку-посланника.

– Спасибо за лечение.

– Не за что, – невозмутимо отозвался мужчина.

Он уже был у двери, но я остановила его одной фразой:

– Простите, что побежала спасать вас от магического отката, хоть вы и не просили.

– Извинения приняты. Вам повезло, что спасать решили меня, а не кого-то другого.

О чем он? Что за намек? А что, если...

По подчеркнута ровной спине Аламейского словно судорога прошла.

Соскользнув с софы и забежав вперед, я с тревогой заглянула ему в глаза.

– Я не думала, что вы настолько сильный чародей и снимете чары древнего артефакта, вдобавок избежав отката.

На лице мужчины отобразилась гамма чувств: досада, сожаление, боль, отчаяние... и жажда.

– Отойдите от двери, Джемма.

Он снова назвал меня по имени. Опять забылся в напряженной ситуации.

– Но... вы ведь не сняли влияние артефакта, верно?

– Отойдите от двери, Джемма, – повторил Аламейский хрипло. – Вы нарываетесь.

– Каким-то образом вы отсрочили действие, – размышляла я, отмечая, что дыхание мужчины участилось. – Еще один артефакт? Но это лишь усугубит ситуацию!

– Нужно было поддаться чарам? – криво усмехнулся Аламейский.

– Нужно просить помощи, если плохо!

– Жалеете меня, Джемма?

От вкрадчивых ноток в низком голосе у меня по спине побежали мурашки. Не страха, нет. Мурашки предвкушения.

– Как сильна ваша жалость, Джемма?

Он шагнул вперед, сокращая между нами расстояние и тесня меня к двери. Сквозь слои нашей одежды я чувствовала жар его тела. Аламейского лихорадило от чар и сдерживаемой страсти.

И это будоражило.

Сухие горячие губы скользнули по моим.

– Что ж, – шепнул Аламейский, – пожалейте меня, Джемма.

Легкий поцелуй-касание превратился в напористый, алчный. Аламейский будто захватывал крепость, захватывал решительно, беспощадно. И, боги, как же мне это нравилось!..

Жесткое колено вклинилось между моих ног, тренированное тело прижало к двери.

Я ахнула от новых ощущений – и поцелуй стал глубже. Аламейский целовал, прикусывал мои губы. Руки гладили, сжимали, даря огненную ласку.

Подхватив под попу, он приподнял меня, вынуждая обвить его ногами. Почувствовать силу его желания и твердость намерений.

Вскоре я снова оказалась на софе. Зацелованная, разомлевшая от бесстыдных ласк и поцелуев.

Не сводя с меня горящих глаз, Аламейский сбросил камзол на пол, одним движением сорвал шейный платок. Запонки, а затем и пуговицы звонко поскакали по паркету, разбавляя тишину не только нашим прерывистым дыханием. Нетерпеливый мужчина...

Белоснежная рубашка улетела куда-то в сторону книжных стеллажей.

Я впилась взглядом в тренированное тело, покрытое золотистым загаром. Сухощавое, мускулистое, исписанное шрамами. Белые кривые росчерки – живая летопись войны...

Шрамы не портили Аламейского, они добавляли ему мрачного очарования хищника. Матерого неумолимого зверя, чьей добычей сейчас стала я.

Дыхание перехватило от осознания, что я в полной власти этого опасного мужчины.

– Какая же ты красивая, – шепнул Аламейский, склоняясь и целуя коротким поцелуем.

Поцелуй-укус вызвал волну желания, прокатившуюся по телу. Низ живота тянуло. Томительные ощущения жара и безудержное желание. Аламейский словно поделился чарами, заражая меня страстью.

Отстранившись, он разулся и торопливо сбросил последнюю одежду.

Я не удержалась и скользнула взглядом по обнаженному мужчине.

Широкие плечи, стальные, четко очерченные мускулы – сильное тело боевого чародея, выкованное в кузнице бога войны и закаленное в сражениях с демонами. Рельефный пресс, узкие бедра и... Боги щедро одарили своего любимчика во всех смыслах.

Я закрыла бесстыжие глаза.

– Джемма, посмотри на меня.

Аламейский навис надо мной, почти накрыв своим телом.

Темный ищущий взгляд спрашивал без слов. И видел ответное желание и согласие.

На меня обрушился шквал поцелуев, показывая, что все, что было, – это так... легкий аперитив.

Руки Аламейского были повсюду, ласкали, попутно расстегивая пуговицы на платье. Я же не успевала отвечать на поцелуи и сдалась под напором чужого голода. Я плавилась, забывая свое имя, млея под восхитительной тяжестью мужского тела.

Губы Аламейского нежили, поцелуями жалили мою шею, дав мгновение, чтобы перевести дыхание. Объятия Аламейского будоражили и одновременно успокаивали, даря чувство защищенности. И я хотела в них забыться, раствориться без остатка.

Я положила руку на чуть шершавую от шрамов лопатку. Погладила, мысленно прося прощения.

А может, закрыть глаза и раствориться в удовольствии?..

Нет. Нельзя.

Вздохнув, я активировала сонное заклинание, приготовленное для грабителей.

Пропустив подлый удар, Аламейский вырубился, наваливаясь на меня всем телом.

– Ух... – Бесчувственный чародей оказался слишком тяжелым.

С трудом выбравшись из-под него, я быстро привела свою одежду в порядок. Меня морозило, тело ломило. В объятиях Аламейского я горела, как никогда ранее в супружеской постели.

Может, стоило подождать еще немного? Я так долго была порядочной вдовой... Два года.

Ох и глупости лезут в голову! Есть этика целителей, и не важно, с дипломом я или без.

– Так, что же сделать в первую очередь?

Наверное, успокоиться.

Я спрятала горящее лицо в ладонях. Выровняв дыхание, приступила к своим обязанностям.

Для начала инспектора следовало перевернуть на спину, что я и сделала с некоторым усилием.

Несколько секунд рассматривала обнаженного Аламейского. Шрамы, шрамы, шрамы... И при этом идеальное мужское тело. Сила и жесткость.

Дурацкая мыслишка, что я слишком рано его усыпила, не хотела меня покидать. После древних чар он мог бы меня и не вспомнить...

Ох, богиня Гармония, я же целительница! Целительница!.. И должна воспринимать чужую наготу как нечто естественное, я же пялюсь на спящего мужика! Должна думать о пациенте, а не о том, какое роскошное у него тело и как здорово он целуется.

Целовался он божественно, да...

Опять вспомнила. Зачем? Я едва не рычала, злясь на саму себя. Почему же я жалею? Я ведь поступила правильно!

То ли меня испытывает проклятая Дис, то ли я тоже случайно выпила из бокала-артефакта? Это все бы объяснило и частично оправдало.

Наконец, успокоившись и прогнав подлую мыслишку, я прикрыла инспектора его же рубашкой и камзолом. Пора начинать лечение. Это слово совсем не подходит, но да ладно. Смысл тот же: я хочу избавить пациента от страданий.

Древние артефакты из церигия считаются самыми мощными, с их воздействием мог справиться только другой древний артефакт. Или хотя бы отсрочить влияние, как было в случае Аламейского.

Но мало кто знал, что проявившие себя чары можно снять с объекта и перенести на какой-то предмет, сделав из него сильный одноразовый амулет.

Дед предсказывал мне славу самого талантливого специалиста по древним артефактам. Еще бы, моя стихия – земля, проводить дни в семейной библиотеке я начала с шести лет. И главное, я потомственный артефактор, должна стать десятой в роду.

Должна была. А я взяла и поступила на целителя.

Дед не простил...

Прогнав невеселые воспоминания, отыскала на полу одну из шпилек, выпавшую из прически. Украшавший заколку аметист отлично примет на себя чары, главное, потом случайно не активировать их.

Я наклонилась над спящим, чтобы прижать ладони к его вискам.

Аламейский открыл глаза.

– Джемма, – прошептал хрипло.

И дернул на себя.

Упала я крайне неудачно – областью декольте на лицо инспектора. Он умиротворенно вздохнул туда и задышал ровно. Уснул?.. Похоже на то.

Выждав еще немного, я осторожно выбралась из чужих объятий и поднялась на дрожащие ноги.

Мне везло, бессовестно везло!.. Аламейский не ожидал бесчестности с моей стороны и сбросил с одежды и защитные артефакты, открылся, поэтому и пропустил мощное заклинание сна. Жаль только, утром он будет помнить, кто его навел.

Озарение, приправленное грустью, накатило внезапно: он не простит. Я фактически навязалась, показала, что не прочь близости, а сама... предала его доверие. Нет, точно не простит.

А и не надо! Сейчас сниму чары, утром встречусь в школе, чтобы узнать имя убийцы, и больше мы никогда не увидимся. Я уеду из города, надеюсь, Лил уже собрала вещи.

Преисполненная мрачной решительности, я потянулась к вискам мужчины. И опять все повторилось: через секунду я лежала на Аламейском. Продолжая спать, он гладил мою спину, неотвратимо спускаясь ниже.

Да что ж такое! Не смешно.

И снова я вывернулась.

Мне мешают шаловливые руки инспектора, с ними надо что-то делать. Если он продолжит и дальше меня хватать, я не смогу сконцентрироваться на воздействии артефакта. Что следовало сделать? Обездвижить или хотя бы связать руки. Только чем?

Я прошлась по кабинету, заглядывая в шкафы, темные углы и ящики стола. Комната безлика – только мебель и книги.

Поколебавшись, беспрепятственно открыла окно, впуская напоенный ароматом ночных цветов воздух. Остатки любовного хмеля выветрились из головы, и я нашла решение. А что, если... Или не стоит? Это уже чересчур?

Ладно, хватит медлить, пора что-то делать, пока не вернулся кучер. Аламейский и так будет меня ненавидеть утром, можно особо не беспокоиться о выборе средств, не деликатничать.

Вздохнув, я передвинула массивный стул к изголовью софы, затем сняла чулки и ими привязала беспокойные руки к спинке тяжелой мебели. Все, теперь не будет отвлекать своими нескромными прикосновениями.

Спящий Аламейский подергал руками и успокоился.

Перейдя на магическое зрение, я отыскала сеть, опутывающую определенный участок мозга. Влечение начинается с головы, все правильно. Не будь я целительницей, не знала бы, что искать, а так прекрасно представляла, куда метили чары страсти.

Зря дед назвал мою учебу бесполезной для рода артефакторов: снять «Сеть» без углубленных знаний о строении тела человека я бы не решилась.

Аккуратно подцепив багровую «сетку» (королевству ведь не нужен сверхзабоченный инспектор?), я перенесла ее на заколку. Закрепила. И выдохнула. Получилось!

Проверив инспектора, убедилась, что он чист от зловредной магии и утром проснется бодрый и довольный. Хочется верить в последнее.

Когда вознамерилась развязать мужчине руки, услышала цокот копыт. Хорошо, что открыла окно: возвращение кучера не стало неожиданностью.

Ладно, проснется инспектор, сам развяжется: достаточно перевернуться на бок, а затем на живот, чтобы рассмотреть узлы и распутать их.

Наспех закрутив волосы в пучок и заколов парочкой шпилек (зачарованную спрятала в потайной карман), я покинула библиотеку и связанного Аламейского. Вовремя. Мужчина в черном плаще уже вошел в холл.

– Хельц, срочно везите меня домой! – строго приказала я.

Кучер обвел меня насмешливым взглядом, затем как-то странно повел носом, будто принюхиваясь, и вскинул белую бровь.

Мое сердце замерло, ожидая подвоха. Неужели о чем-то догадался? Спросит, где его хозяин? Почему не вышел со мной?..

Покосившись на дверь библиотеки, кучер кивнул:

– Как пожелает госпожа.

Я перевела дух и пошлепала на улицу. Хорошо, что он не посмотрел, в каком состоянии Аламейский.

Плиты двора были теплыми, но попадался мелкий мусор, доставляя неприятные ощущения. Кучер если и заметил, что я босиком, то проигнорировал. Интересно, где мои туфли? Остались возле дома градоначальника?

Молчаливый Хельц открыл дверцу кареты и даже подал руку. Я коснулась голой кожи – уж лучше бы этого не делала! – и вздрогнула. Руку обожгло холодом. Хельц точно не человек...

Ближайшая лошадь нетерпеливо фыркнула, отвлекая меня от открытия.

Время, проведенное в карете, показалось мигом. Я толком и не придумала, как вести себя утром, решив остановиться на привычной тактике светской дамы: делать вид, что ничего не произошло.

Домой я вернулась, ощущая, как будто город изменился, став чужим. На самом деле изменилась я, мое восприятие действительности, но анализировать, почему именно, не буду. Не время.

Коттедж встретил тишиной и круглыми от удивления глазами Лил.

– Джемма, происходит что-то страшное, да? Инспектор задержал из-за меня? Ему пожаловались на тебя?

– Не выдумывай, ты ни при чем.

Страх порой лишал Лил рассудительности, что и неудивительно после того, что ей довелось пережить.

– Хлоя сказала, что ты не вернешься до утра. Ты в порядке?

– Что со мной делается? Ты собрала вещи?

– Да, как ты учила. Собрала документы, драгоценности, деньги и вещи на первое время.

– Хорошо, я утром еще посмотрю и добавлю зелья.

– Так что все-таки произошло у градоначальника? Хлоя рассказывала путано, рыдая, пришлось дать ей твоих капель, чтобы она успокоилась. А она взяла и уснула!

Возмущение моей воспитанницы понятно, еще и я ее разочарую.

– Утром, Лил, все будет утром. Хочу спать.

Первым делом я проверила сына. Он все так же безмятежно спал. Не нравится мне это, слишком спокоен в последнее время.

Просмотрев ауру, я убедилась, что Оливер в порядке, просто резерв переполнен, пора куда-то выплескивать силу.

В ванной я пробыла недолго – вода не подарила успокоение, как обычно, она слишком раздражала все еще чувствительную после поцелуев инспектора кожу.

А ведь я увлеклась... Я была не прочь отдаться фактически незнакомому мужчине. Его прикосновения сводили с ума, на какое-то время заткнув рот совести. Да что там, кажется, она и вовсе не подавала голос, настолько все было восхитительным и правильным почему-то.

Я проворочалась на постели целый час, старательно прогоняя воспоминания о минутах, проведенных в объятиях Аламейского. Зря я его оставила связанным. Боюсь, он не простит подобного неуважения, что я усыпила его, королевского эмиссара. Он может оскорбиться, и тогда в моей жизни станет намного больше проблем.

Остается уповать на его благоразумие и чувство юмора. Подумаешь, никчемная магичка из провинции обвела вокруг пальца. Об этом же никто не узнает. Да и вообще, он должен благодарить за то, что я убрала влияние артефакта.

Нет, все обойдется. Аламейский вскоре покинет город, он не станет мне мстить.

* * *

Обычно по утрам я тщательно выравниваю волосы. Приезд инспектора вывел меня из равновесия, и вчера я ходила в школу с волнистыми локонами – все еще действовало заклинание предыдущего дня. Сейчас же мои волосы закрутились неукротимыми спиральками, словно мстя за то, что лишала их естественности, выпрямляя заклинанием.

Кое-как собрав свои кудри в лохматую прическу, я отправилась в школу, толком не позавтракав. Хлоя и вовсе не смогла одолеть и чашки чая – мешали зубы, выбивающие тревожную дробь о фарфор.

– Госпожа Рутшер, я боюсь, – призналась она в сотый раз, когда мы подошли к школе.

Я тоже, Хлоя, я тоже...

Вслух же повторила банальные слова успокоения:

– Все будет хорошо.

Утешая Хлою, я желала поскорее вернуться домой. Не будь запрета покидать территорию школы, на рассвете вывезла бы сына и Лил из города. Увы, пока не найден убийца директора Вандура, это невозможно.

Наши шаги гулко разносились в пустом коридоре. Школа словно вымерла.

А ведь оставалось шесть преподавателей, которые летние каникулы предпочли провести здесь, а не навещать родственников. Так почему тут настолько тихо? Где все? До назначенного инспектором часа еще есть время, не верю, что все уже собрались и сидят в кабинете покойного директора. Неестественная тишина даже для каникул. Такое ощущение, что я иду в ловушку...

А если и правда?

– Госпожа Рутшер, наконец-то!

Скрипучий голос Снулой Рыбы привел меня в чувство. Какая ловушка? Откуда ей встать. Я впустую себя накручиваю.

– Как вам не стыдно задерживать всех? – Госпожа Клочек поджала губы.

Темно-коричневое платье с высоким воротником до самого подбородка, будто зализанные назад волосы и полные неодобрения водянисто-голубые глаза. В руках маг-хозяйственник сжимала лейку, из которой обычно поливала цветы в школе. Она даже в моем кабинете пыталась хозяйничать, хоть я тоже маг земли и умею заботиться о цветах не хуже. Пришлось провести не одно сражение, чтобы отвадить Рыбу прочь.

Я не стала спорить, говоря, что не опаздываю, скандал мне не нужен.

– Доброе утро, госпожа Клочек. Вы прекрасно выглядите. Приезд инспектора влияет на вас положительно.

– Не говорите глупостей, госпожа Рутшер! – фыркнула женщина и, обогнав нас с Хлоей, зашла в кабинет.

Девушка прерывисто выдохнула:

– Я словно пустое место. Дела у моей семьи действительно плохи, раз даже Снулая Рыба позволяет себе пренебрежение.

– Не преувеличивай, Ключек требует неукоснительного соблюдения правил от других, себе же позволяет поблажки.

Я старалась ободрить девушку, понимая, что она права. Тяжело ей придется. Возможно, гораздо тяжелей, чем выйти замуж за нелюбимого. Для себя я вчера выяснила, что инспектор – восхитительный мужчина... В ближайшее время Хлоя наверняка влюбилась бы в него как кошка.

Пикантные воспоминания заставили полыхать стыдом лицо. Потребовалась вся моя выдержка, чтобы совладать со смущением, и смелость, чтобы переступить порог директорского кабинета.

– Доброе утро.

Инспектор чинно восседал за массивным столом. Собранный, лицо непроницаемо. Чернильно-фиолетовый камзол, черный жилет, белоснежная рубашка, в тон ей шейный платок придавали его облику дополнительную строгость. Далекий, холодный, бесконечно чужой мужчина. И почему я решила, что он начал испытывать ко мне нечто большее, нежели наведенная страсть? Наивная Джемма...

Тонкостенная белая чашка в загорелых пальцах смотрелась неестественно – им бы сейчас сжимать рукоятку кинжала или выплетать активационные жесты боевых заклинаний.

Инспектор неторопливо сделал глоток чаю и небрежно обронил:

– Доброе утро, дамы. Прошу, присаживайтесь.

Я будто очнулась и заметила присутствующих в кабинете людей: мои коллеги, градоначальник и его племянник в антимагических кандалах... Удивительно, что я сразу их не увидела.

– Если желаете, налейте чаю, – добавил Аламейский и указал на белый заварочный чайник, который окружали пустые чашки – никто не рискнул пить под стылým взглядом эmissара короля.

– Благодарю, завтракала, – соврала я.

Из девяти стульев пять пустовало. Три напротив инспектора я проигнорировала: не хочу, чтобы он буравил меня недовольным взглядом. Что чародей не в духе, видно всем, а не только той, которая едва не стала с ним чересчур близка.

Снулая Рыба восседала по левую руку от инспектора, продолжая сжимать цветочную лейку. Рядом с ней развалился младший Грэхем, чувствующий себя привольно даже в антимагических наручниках. Третий стул слева от Аламейского занял Мартис, преподаватель основ артефакторики, сухощавый старик в очках с толстыми линзами и с щеточкой седых усов под острым носом.

Справа, сразу возле Аламейского, пустовало два стула, третий занимал провинившийся градоначальник. Его беспокойные руки нервно крутили пуговицу на траурно-черном камзоле.

Ловко меня обогнув, Хлоя мышкой прошмыгнула за спиной отца и села ближе к инспектору, точно ища у него защиты. Мне пришлось занять стул возле раздосадованного градоначальника.

– Уважаемые дамы и господа... – Инспектор сделал паузу, обводя присутствующих безучастным взглядом. – У вас наверняка возник вопрос, почему здесь не все, кто находился в школе, когда было совершено убийство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.